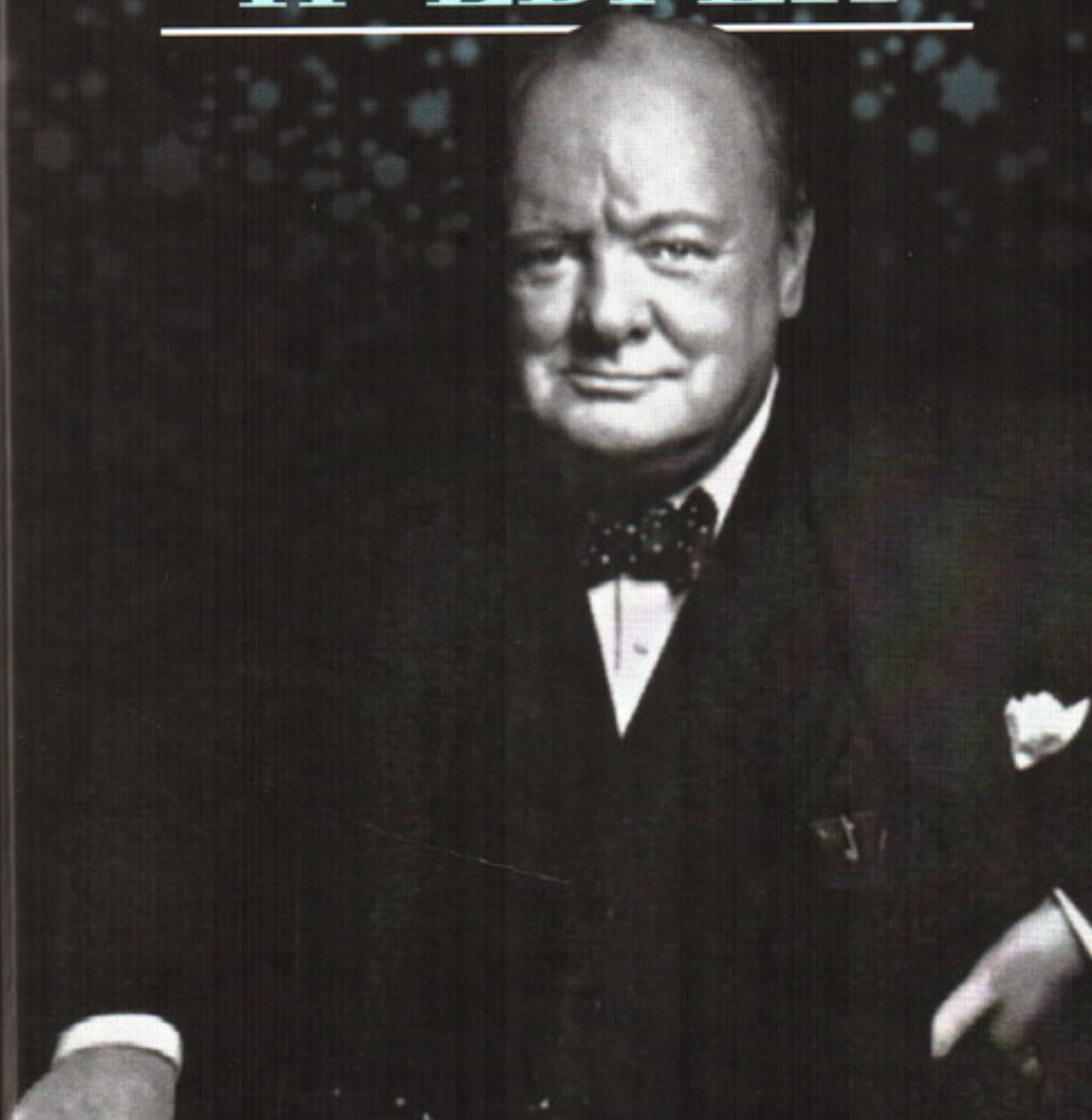

Мартин Гилберт

ЧЕРЧИЛЛЬ И ЕВРЕИ

Мартин Гилберт Черчилль и евреи

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5827587

Гилберт М. Черчилль и евреи: Мосты культуры; Москва; 2010

ISBN 5-93273-304-7

Аннотация

Эта книга описывает различные аспекты политической деятельности сэра Уинстона Черчилля, связанные с евреями и сионизмом. До второй мировой войны Черчилль поддерживал идею основания еврейского государства в Палестине, что не всегда способствовало его популярности как политика, во время войны делал попытки помочь евреям в оккупированных нацистами странах Европы, после войны оказывал поддержку государству Израиль. Кроме того, автор уделяет внимание дружбе Черчилля с отдельными еврейскими деятелями культуры и науки.

Сэр Мартин Гилберт – английский историк, автор более 80 книг, широко известен как официальный биограф Черчилля.

Содержание

Предисловие	4
Глава первая	6
Глава вторая	10
Глава третья	19
Глава четвертая	27
Глава пятая	32
Глава шестая	36
Глава седьмая	45
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Мартин Гилберт

Черчилль и евреи

Посвящается Эстер

Предисловие

Если брать любую из этих трех тем по отдельности – Черчилль, евреи и сионизм, – то каждая из них является крайне интересной. Если же исследовать их не по отдельности, а вместе, то они позволяют проследить интереснейшее взаимодействие этой выдающейся личности и еврейского народа, которые оба окружены множеством проблем и противоречий. Прошло почти сорок лет с тех пор, как я начал собирать материал для этой книги. Первого сентября 1969 года я провел целый день в беседе с сэром Эдвардом Льюисом Спирсом – генералом, многолетним другом Черчилля и его соратником по военной службе, по занятиям историей и по работе в парламенте. Сидя в своем уютном доме, расположенном в английской сельской местности, Спирс призывал меня нарисовать полный, без каких-либо купюр портрет этого великого человека – пусть даже и со всеми возможными изъянами и противоречиями. Когда он убедился, что я действительно намерен создать полный портрет Черчилля, то доверительным тоном произнес: «Даже у Уинстона был один недостаток – он был слишком привязан к евреям».

Замечание генерала натолкнуло меня на мысль попытаться заглянуть в этот «недостаток» поглубже. Как именно он проявлялся? Как это повлияло на ход истории? Повлияла ли эта «привязанность» на судьбы евреев во время Второй мировой войны? Оказала ли она воздействие на возникновение Государства Израиль в 1948 году? Почему она считалась «недостатком»? Было ли это просто «привязанностью» или же каким-то более глубоким чувством?

В течение более чем полувека жизнь Черчилля была связана с еврейскими проблемами. В его бытность молодым членом парламента с 1904 по 1908 год у него было много избирателей-евреев. В качестве члена кабинета министров в 1921–1922 годах он отвечал за разработку статуса еврейского национального очага в Палестине. Являясь лидером страны во время войны с 1940 по 1945 год, он противостоял военной мощи и тирании нацистской Германии. Будучи премьер-министром в мирное время с 1951 по 1956 год, в первое десятилетие существования Государства Израиль, он был в курсе проблем и нужд еврейского государства и относился к ним с симпатией. Несмотря на то что это не пользовалось особой популярностью ни среди коллег-парламентариев Черчилля, ни среди его современников, У. Черчилль настойчиво боролся тем, что он называл «антисемитскими предрассудками», и старался поддержать чаяния евреев – как граждан Великобритании, так и тех, кто непосредственно стоял у истоков создания Израйля.

Один из членов британского парламента предупреждал Черчилля, что из-за его поддержки сионистских устремлений в Палестине тот окажется лицом к лицу с «передающейся по наследству неприязнью к еврейской расе, существующей во всем мире». Однако Черчилль все равно не отступил. Хотя он никогда не являлся безоговорочным сторонником сионизма, он проявлял себя по отношению к нему как один из его наиболее стойких союзников и защитников. Черчилль высоко ценил евреев, которые зачастую были объектом презрения, неприязни, недоверия и жестокости, и хотел, чтобы они заняли то место в мире, которое должно было по справедливости принадлежать им. В то самое время когда он публично осуждал акты террора против британцев в Палестине, которые совершали еврейские боевики, он доверительно заявил своему другу-еврею, смущенному столь жесткой критикой

Черчилля: «Еврейский народ хорошо знает, что я его друг». Это было действительно так. Он проявлял себя как друг евреев именно тогда, когда это было особенно необходимо, и он являлся при этом их настоящим другом.

*Лондон,
5 февраля 2007 г.*

Глава первая

Ранние годы: «Этот чудовищный заговор»

У Черчилля в роду не было предков-евреев. Когда он порой ронял замечания о своем «экзотическом происхождении», то это являлось намеком на то, что у него мог иметься далекий предок из числа североамериканских индейцев. Но с самых ранних лет он увлекался историей еврейского народа. В годы учебы в Харроу он тщательно изучал Ветхий Завет. Эта книга стала источником его образования и дала питательную пищу его воображению. Одно из его первых школьных сочинений называлось «Палестина во времена Иоанна Крестителя». Описывая фарисеев, он просил своего читателя – в данном случае им был его преподаватель – не быть слишком строгим по отношению к этой «жестокой» еврейской секте. «У них было множество недостатков, – писал он и тут же добавлял: – А у кого их мало?» Поскольку ему было лишь тринадцать лет и он был тогда еще школьником, ему следует простить то, что в том же сочинении он упоминает о «минаретах», будто бы украшавших Сионский храм.

Отец Уинстона Черчилля, лорд Рэндольф Черчилль был известен своей тесной дружбой с евреями. Завсегдатаи британских клубов сплетничали о том, что у него было много друзей-евреев, а члены семьи упрекали его за то, что он приглашал евреев к себе домой. Однажды, когда он гостил в поместье одного из своих друзей, один видный аристократ приветствовал его словами: «Лорд Рэндольф, не привезли ли вы с собой ваших еврейских друзей?» На что тот ответил: «Нет, я не думаю, что их могла бы позабавить здешняя компания»¹.

Как преданный сын, всегда жаждавший одобрения своего отца, Уинстон Черчилль принимал его сторону во время дискуссий, где затрагивались проблемы евреев. Евреи, с которыми его отец был знаком и которых он приглашал к себе в дом, были выдающимися людьми, сумевшими многого добиться в жизни. Одним из них был «Нэтти» Ротшильд – первый барон Ротшильд, глава лондонской ветви банкирской семьи Ротшильдов, ставший в 1885 году первым евреем – членом палаты лордов. Другим был родившийся в немецком Кельне сэр Эрнест Кассель – банкир, близкий друг принца Уэльского, будущего короля Эдуарда VII.

Когда отец Черчилля потерял в 1892 году надежду на то, что Уинстон сумеет сдать экзамены, необходимые для зачисления на военную службу, он собирался пристроить его к какому-нибудь делу. При этом он был уверен, что с помощью Ротшильда или Касселя сумеет подыскать сыну какую-то достойную работу. Незадолго до того как Уинстону исполнилось девятнадцать лет, отец взял его с собой, направляясь погостить в Тринг-Парк – загородное поместье лорда Ротшильда. Визит прошел удачно. «Уинстону в Тринг-Парке уделили очень много внимания», – писал лорд Рэндольф бабушке Черчилля.

Перед своим восемнадцатым днем рождения Черчилль упомянул в письме к матери о том, что «молодой Ротшильд» – Натаниэль, второй сын первого барона Ротшильда, учившийся вместе с ним в Харроу, «жадно пожирал яйца и все остальное. Это выглядело отвратительно!» Пятьдесят лет спустя уже сын «молодого Ротшильда», Виктор Ротшильд, ставший перед Второй мировой войной третьим бароном Ротшильдом, занимался проверкой получаемых Черчиллем подарков в виде еды и сигар на предмет обнаружения в них яда. За храбрость, проявленную Виктором Ротшильдом при обезвреживании бомбы, спрятанной в

¹ Эта история многократно рассказывалась автору книги сыном Уинстона Черчилля Рэндольфом в бытность М. Гилберта его помощником. – *Прим. перев.*

ящике с луком – бомбы, которая должна была взорваться в одном из британских портов, – Черчилль представил его к награждению Крестом Георга.

Другой хорошо знакомой Черчиллю ветвью семейства Ротшильдов была семья Леопольда Ротшильда, в чьем доме в Ганнерсбери неподалеку от Лондона он обедал в 1895 году в бытность свою младшим офицером британской армии, и с сыном которого, Лайонелом, ставшим впоследствии членом парламента от партии консерваторов, он дружил. Лайонел учился в школе вместе с младшим братом Черчилля Джеком. «Он симпатичный паренек, – писал Черчилль Джеку, – и Лео Ротшильд будет тебе очень благодарен, если ты позаботишься о нем». Черчилль добавлял: «Их благодарность может облечься в практическую форму, поскольку у них есть очаровательное имение в Ганнерсбери, куда они могут тебя пригласить».

Еврейским приятелем родителей Черчилля был также родившийся в Германии специалист по болезням горла сэр Феликс Симон. В 1896 году, незадолго до того как Черчилль отправился служить в Индию, он консультировался с Симоном по поводу своего дефекта речи – неспособности произносить букву «с». Исправить этот дефект можно было с помощью операции, но Симон отговорил Черчилля от ее проведения, объяснив будущему премьеру, что «при надлежащем терпении и настойчивости» тот сможет научиться бегло говорить и без операции. «Я только что познакомился с совершенно удивительным молодым человеком», – рассказывал после встречи с Черчиллем Симон своей жене. Делясь с Симоном своими планами, связанными с военной службой, Черчилль признался: «Конечно, в мои планы не входит стать профессиональным военным. Я лишь хочу набраться опыта. Когда-нибудь я стану государственным деятелем – таким же, как мой отец».

Родители Черчилля дружили также с родившимся в Австрии бароном Морисом де Гиршем, ведущим еврейским филантропом; они были частыми гостями в его доме в Лондоне. Приемный сын барона Морис, известный как «Тути», позднее получивший титул барона де Форест, впервые встретился с Черчиллем в конце 1880-х годов во время скачек в Ньюмаркете, когда Черчилль побывал на приеме в доме Гиршей. Однажды во время школьных каникул Черчилль гостил в доме Гиршей в Париже.

Когда Черчилль посетил в 1898 году Париж, французская столица бурлила по поводу суда над капитаном Альфредом Дрейфусом, евреем по национальности, обвиненным в шпионаже в пользу Германии. Эмиль Золя принял сторону Дрейфуса и в страстной статье «Я обвиняю!» выступил против правительства и против антисемитизма во французской армии, продемонстрировав всю ложность этого обвинения. «Браво, Золя! – писал Черчилль матери. – Я счастлив быть свидетелем полного провала этого чудовищного заговора».

После смерти лорда Рэндольфа Черчилля в 1895 году еврейские друзья его отца продолжали дружить с его сыном. Лорд Ротшильд, сэр Эрнест Кассель и барон де Гирш часто приглашали его к себе. В примечании к первому тому официальной биографии Уинстона Черчилля его сын Рэндольф писал с некоторым юмором: «Уинстон Черчилль не ограничивал свою потребность в общении с новыми интересными личностями посещениями одних лишь домов евреев. В этот период он иногда встречался и с гоями».

Во время военной службы в Индии в 1897 году Черчилль мечтал найти газету, которая согласилась бы печатать его военные корреспонденции. «Лорд Ротшильд мог бы устроить это для меня, – писал он матери, – потому что он знаком со всеми». По возвращении из Индии, весной 1899 года, желая начать политическую карьеру, он вновь рассчитывал на помощь Ротшильда. Во время приема в лондонском доме лорда Ротшильда он с радостью заметил, что другой гость банкира, министр финансов А. Дж. Бальфур «очень вежлив со мной – и мне кажется, что он согласен с тем, что я говорю, ведь он внимательно слушал все, что я говорил».

Друг его отца сэр Эрнест Кассель предложил Черчиллю свои услуги в качестве финансового советника. Черчилль, заработавший написанием книг и статей свой первый капитал, согласился с предложением Касселя, сказав ему: «Кормите моих овец». Этим банкир и занялся. Разумно и удачно вложив заработки Черчилля в доходные бумаги, он со временем заметно приумножил его сбережения. При этом Кассель ничего не взял за свои услуги.

Когда Черчилль в 1899 году готовился к поездке в Южную Африку в качестве военного корреспондента, ему потребовалась финансовая поддержка для закупки необходимого снаряжения. Лорд Ротшильд выделил ему тогда 150 фунтов стерлингов, а Кассель – 100 фунтов. Общая сумма, поступившая Черчиллю в качестве поддержки от этих двух банкиров, равнялась годовому доходу семьи среднего класса тех лет. В 1902 году, на второй год пребывания Черчилля в парламенте, Кассель обеспечил ему участие в выпущенном японским правительством займе на сумму в 10000 фунтов (в нынешних деньгах – 500 000 фунтов). Черчилль написал своему брату Джеку об этой финансовой операции: «Я надеюсь получить от этого небольшую прибыль». В 1905 году Кассель оплатил меблировку библиотеки в холостяцкой квартире Черчилля в лондонском районе Мэйфэр. Финансовая поддержка со стороны Касселя была постоянной. Доходы от акций железной дороги «Этчисон, Топека и Санта-Фе», купленных им для Черчилля в 1907 году, позволили политику оплачивать услуги машинистки. Когда Черчилль в 1908 году женился на Клементине, Кассель подарил им на свадьбу 500 фунтов стерлингов, то есть около 25 000 фунтов в пересчете на нынешние деньги.

Черчилль высоко ценил свою дружбу с Касселем. Когда Кассель умер в 1921 году, Черчилль написал его внучке Эдвине Эшли, что ее дед был «хорошим и справедливым человеком, которому доверяли, которого уважали и почитали все, кто его знал. Мой отец высоко ценил дружбу с ним, а я унаследовал эту дружбу на всю свою жизнь. Я знал, что он любил меня и верил в меня во все времена – и особенно в тяжелые».

22 января 1901 года Черчилль находился в канадском городе Виннипеге, заканчивая читать там цикл лекций о войне в Южной Африке и о своем побеге из бурского лагеря для военнопленных, когда он узнал о смерти королевы Виктории. «Это переломное событие, – писал он своей матери. – Я очень хотел бы узнать какие-то новости про короля. Изменит ли он свой образ жизни после коронации? Продаст ли он своих лошадей и порвет ли со своими друзьями-евреями, или же Реувен Сассун будет по-прежнему сиять среди алмазов короны и других регалий? Станет ли он безнадежно серьезным? Продолжит ли он свою дружбу с вами?»

Новый король Эдуард VII продолжил дружеские отношения с матерью Черчилля и сохранил дружбу с родившимся в Багдаде евреем Реувеном Сассуном. Племянник Реувена Сассуна Филипп также стал другом Черчилля и вместе со своей сестрой Сибил часто принимал его в своем поместье Порт Лимн на побережье Ла-Манша. Впоследствии Филипп Сассун станет министром авиации Великобритании.

Г.Г. Асквит, вскоре ставший премьер-министром и непосредственным начальником Черчилля, в письме к своей знакомой – по иронии судьбы, впоследствии принявшей иудаизм – описывал евреев как «рассеянное и непривлекательное племя». Черчилль никогда не позволял себе подобных замечаний ни публично, ни в частной переписке. В 1907 году в письме к матери он предостерегал ее против включения в свои мемуары явно антисемитского пассажа об одном из ведущих британских политиков лорде Гошене. «Я не думаю, что история про Гошена заслуживает опубликования, – писал он. – Она оскорбит не только семью Гошена, но и евреев вообще». «Это, быть может, и интересная история, – сказал он своей матери, – но многие хорошие истории находятся вне внимания порядочных людей, и вы должны исключить ее из ваших записок».

До 1904 года Черчилль общался с евреями исключительно в рамках светских мероприятий жизни. Но в течение четырех лет после его избрания в парламент это общение постепенно приняло политический характер и со временем стало одним из решающих факторов его карьеры.

Глава вторая

Поддерживая евреев

В политическом плане Черчилль впервые занялся проблемами евреев в 1904 году, когда ему было 27 лет. В тот год, продолжая оставаться членом парламента от партии консерваторов, избранным по избирательному округу Олдхема, он фактически перешел на позиции либеральной партии. Тогда его консервативные избиратели из Олдхема объявили, что больше не будут его поддерживать. Нуждаясь в приобретении нового, либерально настроенного электората, он принял предложение баллотироваться от северо-западного округа Манчестера, где треть избирателей составляли евреи.

Вскоре Черчилля пригласили в Манчестер для выступления по поводу вопроса общенационального значения: проекта закона об иностранцах, внесенного в парламент правительством консерваторов. Этот закон имел целью сократить приток еврейских иммигрантов из царской России, бежавших от преследований и нищеты. Одним из главных сторонников Черчилля в манчестерском отделении либеральной партии был Натан Ласки, президент Старой еврейской конгрегации Манчестера и руководитель еврейской больницы Манчестера. Он всячески поддерживал кандидатуру Черчилля в качестве нового парламентария от Манчестера, считая это абсолютно необходимым и неотложным для того, чтобы предотвратить прохождение в парламенте закона об иностранцах, ущемлявшего интересы прежде всего иммигрантов-евреев.

В мае 1904 года Натан Ласки представил Черчиллю материалы и документы по поводу закона об иностранцах. Эти материалы включали и официальную иммиграционную статистику. На основе этих материалов Черчилль подготовил детальный критический обзор предлагавшегося правительством законопроекта. Он отправил ее и самому Ласки и опубликовал в виде открытого письма в газетах. «Больше всего при изучении этих документов, – писал Черчилль в своем письме, – меня удивил тот факт, что, согласно данным статистики, в Великобритании в настоящее время находится ничтожно малое число иностранцев. Судя по разговорам, которые доносятся до нас, можно было подумать, что нас буквально задавили толпы иммигрантов, вытесняющих нас с нашего острова из-за отсутствия противодействия, которое должна была бы оказать им любая другая держава. Но статистика, приведенная Торговой палатой, недвусмысленно показывает, что общее число иммигрантов не доходит до одной ста сороковой части всего населения и что в среднем их число увеличивается лишь на 7000 человек в год. При этом, согласно отчету Комиссии по иностранцам, число иностранцев в Германии превышает наш уровень в два раза, а во Франции – в четыре раза. Поэтому невозможно представить, что в действительности существуют какие-то веские причины, расовые или социальные, для отступления от той терпимой и открытой политики свободного въезда в страну, которой до сих пор придерживалась Великобритания и от которой она так много получала».

Критика законопроекта об иностранцах Черчиллем касалась также тех полномочий, которые, согласно проекту закона, предоставлялись лицам, ответственным за его исполнение. Он опасался появления «нетерпимого или антисемитски настроенного министра внутренних дел», замечая, что английская практика до сих пор позволяла полицейским и таможенным офицерам действовать лишь на основе конкретных фактов нарушений иммиграционного законодательства, но не выполнять роль судей при проверке людей и документов, удостоверяющих их личность, и принимать жесткие меры лишь потому, что какие-то документы или сами люди покажутся им «подозрительными».

У Черчилля было и другое возражение против предлагавшегося в законопроекте положения о том, что иностранец может быть депортирован на основе негативного свидетельства о нем «любого заявителя – возможно, являющегося при этом его личным врагом или конкурентом в бизнесе». Весь законопроект, заключал Черчилль, выглядел как попытка со стороны правительства «удовлетворить небольшую, но шумную группу своих сторонников, и заработать толику популярности, грубо обращаясь с небольшим числом несчастных иностранцев, не имеющих права голоса... Этот закон будет лишь потакать островным предрассудкам в отношении иностранцев, расовым предрассудкам по поводу евреев и развивать подозрительность по отношению к возможным конкурентам на рынке труда». Однако «английские рабочие, – писал Черчилль, – не такие эгоисты, чтобы подавить в себе естественное чувство симпатии к жертвам обстоятельств и угнетения. Они не поддаются сколько-нибудь заметно на пропаганду антисемитизма, омрачившую недавнюю историю Европейского континента. Я убежден, что они не предпримут попытки выбросить из нашей страны чужака из-за того, что он беден и несчастен, и отвергнут меры, из-за которых, без всякой по-настоящему доказанной необходимости, будут дискредитированы и очернены традиции свободы и гостеприимства, которыми так долго славилась Великобритания».

Натан Ласки писал Черчиллю из Манчестера: «Благодарю вас за блестящее письмо, полученное сегодня утром. Вы заслужили благодарность еврейской общины не только Манчестера, но и всей страны». 31 мая 1904 года, в день, когда письмо Черчилля с критикой антисемитизма было опубликовано, он формально вышел из рядов консервативной партии и присоединился к либеральной оппозиции. Евреи Манчестера приобрели храброго защитника своих интересов.

8 июня 1904 года Черчилль произнес свою первую речь в качестве представителя либеральной оппозиции в британском парламенте, выступив против попытки правительства провести закон об иностранцах без его всестороннего и полного обсуждения всеми депутатами. Однако вопреки его аргументам законопроект был все-таки отправлен без рассмотрения и обсуждения всей палатой общин в намного более узкий по составу участников Большой комитет палаты. Черчилль являлся одним из четырех членов этого комитета от либеральной партии и с этого момента активно участвовал в обсуждениях предлагавшегося законопроекта.

Ради получения широкой общественной поддержки своих требований те, кто выступал за ограничение еврейской иммиграции в страну, попытались возвать к антисемитским чувствам населения. Газета «Сан» в своих статьях намекала, что Черчилль противодействовал законопроекту по прямому указанию лорда Ротшильда. Это был первый, но не последний раз, когда политические оппоненты и антисемиты обвиняли Черчилля в том, что он служит богатым евреям и даже прямо финансируется ими. Эти обвинения почти определенно выросли из краткой заметки в газете «Джуиш кроникл», где рассказывалось о митинге в Манчестере, на котором «мистер Натан Ласки сказал, что он беседовал с мистером Уинстоном Черчиллем, встречавшимся с лордом Ротшильдом по поводу законопроекта об иностранцах. В результате этой встречи мистер Черчилль возглавил противодействие законопроекту в Большом комитете парламента».

Закон об иностранцах содержал одиннадцать статей, составлявших суммарно 240 строк текста. Противники законопроекта последовательно возражали против каждой статьи, даже небольшой, причем Черчилль либо предлагал, либо поддерживал каждую из множества предлагавшихся поправок. Майор Вильямс Эванс-Гордон, один из тех членов Большого комитета, которые противились еврейской иммиграции, заявил, что Черчилль «верно следовал инструкциям, полученным от той группы людей, по поручению которых он действовал». При этом он поспешил добавить, «что не имел в виду кого-то конкретно». Этот плохо закамуфлированный намек на то, что он действовал по поручению евреев, заставил Черчилля

в гневе вскочить на ноги. Дав отповедь Эванс-Гордону, Черчилль процитировал затем недостойное предположение газеты «Сан» о том, будто бы он действовал по инструкциям лорда Ротшильда, получая за это финансовую мзду, и заявил комитету, что «глубоко сожалеет, что такого рода грязная клевета повторяется здесь».

Черчилль и трое его коллег из состава либеральной оппозиции, противившиеся законопроекту, так усердно сражались буквально с каждым его словом, что к исходу седьмого дня дебатов оказались обсуждены лишь три первые строчки первой статьи. Оставалось обсудить еще десять статей и 235 строк. В результате, чтобы не попасть в неловкую ситуацию, правительство было вынуждено вообще снять законопроект с обсуждения.

Поддержав евреев, Черчилль победил. Он предотвратил введение закона, который мог воспрепятствовать въезду в страну множества евреев, за последующие десятилетия внесших заметный вклад в развитие Великобритании и в ее защиту от внешнего врага в ходе обеих мировых войн. Во второй из мировых войн эти люди сражались уже под руководством самого Черчилля.

У русских евреев, въезд которых в Великобританию так энергично поддерживал Черчилль в палате общин, были веские основания бежать из царской России. В течение более чем тридцати лет подряд они подвергались спорадическим вспышкам насилия, жестоким, часто смертельным погромам, продолжавшимся и в двадцатом столетии. Длившийся три дня погром в Кишиневе в апреле 1903 года привел к гибели сорока семи евреев – мужчин, женщин и детей – и к разграблению более семисот домов. Другой погром произошел в том же городе в октябре 1905 года. Тогда были убиты девятнадцать евреев.

Евреи во всем мире были возмущены этим. 10 декабря 1905 года в Манчестере был проведен митинг протеста. Это произошло на следующий день после того, как Черчилль согласился занять пост заместителя министра по делам колоний в новом правительстве либералов, образованном после отставки предыдущего правительства консерваторов во главе с Артуром Бальфуrom.

Черчилль стал главным оратором в ходе митинга в Манчестере. В своей речи он объявил нескольким тысячам участникам митинга, что они собрались здесь для того, чтобы выразить протест «против ужасных побоищ, произошедших недавно в Российской империи».

Далее Черчилль сказал: «Число жертв было огромным. Страшно пострадало множество слабых и беззащитных людей – стариков, детей и женщин, которые были неспособны оказать сопротивление и которые не могли надеяться на помощь сил закона и правопорядка. Эти жестокости не были спонтанными, а составляли часть преднамеренного плана. В результате претворения этого жуткого плана в жизнь произошло то, что трудно себе вообразить даже во тьме мрачной российской действительности. Мы собрались здесь, чтобы недвусмысленно заявить, как глубоко возмущена вся британская нация такими ужасными злодеяниями».

Среди присутствовавших на этом митинге был химик и активный сионист доктор Хаим Вейцман, родившийся на территории царской России и лишь за год до этого переехавший в Великобританию из Женевы, где он раньше преподавал химию. Черчилль и Вейцман – два человека, даты рождения которых разделял промежуток всего в три дня, оказались впоследствии тесно связанными в сфере политики.

Перед увлеченными идеями сионизма британскими евреями в 1905 году стоял следующий вопрос: либо настаивать на создании национального еврейского очага в Палестине, находившейся тогда под турецким владычеством, либо искать другие территории для еврейского заселения где-то на необъятных просторах Британской империи, чтобы преследуемые российские евреи могли найти там убежище. В результате сионистское движение оказалось

расколото. Часть сионистов хотели сосредоточить все усилия на открытии для еврейской иммиграции принадлежащей туркам Палестины. Другие, члены возглавляемой англо-еврейским писателем Израэлем Зангвиллом Еврейской территориальной организации, известные как «территориалисты», оказывали давление на британское правительство с целью сделать доступной для еврейской эмиграции одну из британских колоний. Самым предпочтительным местом представлялись горы Кении и часть британского протектората Восточной Африки – территория современной Уганды.

Другим вариантом, публично поддерживаемым лордом Ротшильдом и уже финансовым бароном де Гиршем, было развитие еврейских сельскохозяйственных колоний в Канаде и Аргентине.

Для Черчилля вопрос о содействии еврейским национальным чаяниям встал в полный рост уже буквально через несколько дней после его вхождения в правительство – и за три недели до всеобщих выборов, проведенных в результате отставки правительства А. Бальфура. Это случилось, когда на второй день Рождества 1905 года, в «день подарков»², к нему обратился видный деятель еврейской общины доктор Джозеф Дальберг, секретарь группы манчестерских «территориалистов», с просьбой поддержать идею о предоставлении для целей эмиграции одну из британских колоний. Черчилль ответил Дальбергу письмом, в котором отмечал «многочисленные и серьезные трудности, возникающие при реализации плана создания самоуправляющейся еврейской колонии в британской Восточной Африке – трудности, связанные с различием во мнениях среди самих евреев, с сомнительной пригодностью обсуждаемой территории для устройства подобных поселений, и трудности, связанные с общими проблемами государственной политики, с которыми неизбежно столкнется реализация подобного плана».

При этом Черчилль показал себя твердым сторонником национальных чаяний евреев, подчеркнув в письме «территориалистам»: «Я признаю высокую привлекательность идеи создания безопасного постоянного дома под флагом терпимости и свободы для рассеянного и угнетаемого народа. Этот план гораздо привлекательнее любого проекта индивидуальной колонизации территории, что должно обеспечить ему поддержку со стороны тысяч людей, которые будут готовы с энергией и энтузиазмом включиться в его реализацию и стать его движущей силой». Однако при этом Черчилль подчеркивал, что ради успеха этого предприятия необходим «конкретный детальный план действий, который был бы поддержан видными личностями и достаточными финансовыми средствами».

Но в сионистском движении к тому времени одержали верх те силы, которые хотели образовать еврейский национальный очаг в Палестине и нигде больше, в результате чего фокус национальных надежд евреев снова сместился в сторону находящегося под властью Турции региона между Средиземным морем и рекой Иордан, где к 1905 году было создано, в основном усилиями русских евреев, уже полсотни еврейских поселений.

В начале 1906 года Черчилль опубликовал двухтомную биографию своего отца. Этот труд Уинстона Черчилля был удостоен исключительно враждебной рецензии в газете «Дейли телеграф». Анонимный рецензент описывал отношение лорда Рэндольфа Черчилля к своим друзьям как «часто отталкивающее, а порой даже бесчестное; он вообще с большой небрежностью относился к правде». Самого У. Черчилля автор рецензии остро критиковал за «многочисленные ляпсусы, продиктованные дурным вкусом, которых набралось уже слишком много на протяжении его карьеры».

Прочитавший эту анонимную рецензию кузен Уинстона Черчилля, девятый герцог Мальборо, был возмущен поступком издателя газеты – еврея по имени Гарри Леви-Лоусон,

² День, когда слуги и посыльные получают по традиции подарки. – *Прим. перев.*

который допустил подобную публикацию. Он написал Уинстону, что намерен «призвать этого грязного еврейчика к суровому ответу».

В своем письме в «Дейли телеграф» девятый герцог Мальборо писал, что автор рецензии использует в нападках на покойного «совершенно не английские приемы». Посылая копию письма Уинстону Черчиллю, герцог Мальборо пояснял: «Я надеюсь, что слова «не английские» будут поняты внимательными читателями моего письма». Он добавлял, что сознательно воспользовался этой возможностью подвергнуть Леви-Лоусона «публичному оскорблению. Я не позволю евреям утверждать, что члены моей семьи бесчестны, не ответив им крепче, чем они ожидают».

«Дейли телеграф» принесла свои извинения. Герцог Мальборо продолжал изливать гнев, написав Черчиллю: «С евреями нельзя обращаться столь же доброжелательно, как это принято между христианами». Черчилль не откликнулся; он был плотно занят предстоящими выборами. 12 января его избрали членом парламента от либеральной партии по северо-западному округу Манчестера.

Летние каникулы Уинстон Черчилль провел, путешествуя по Европе. При этом он посетил Эрнеста Касселя на его вилле в Швейцарских Альпах, Лайонеля Ротшильда, вместе с которым путешествовал по Италии, и барона де Фореста в замке Эйхштатт в Моравии. Все трое были евреями.

Вернувшись в Великобританию, в октябре Черчилль женился на «своей любимой Клементине». Его первым публичным выступлением после женитьбы стала речь на митинге в Манчестере в поддержку Еврейского больничного фонда. Его встречи с представителями еврейской общины Манчестера позволили ему почувствовать поворот общественного мнения в сторону большей социальной ответственности и взаимопомощи, что произвело на него большое впечатление и оказало на него сильное влияние как на политика.

В своем избирательном округе он делал периодические взносы в пользу еврейской столовой, еврейского молодежного клуба, еврейского теннисного и крикетного клуба. Газета «Таймс» описывала посещение им еврейской больницы, религиозной школы Талмуд-тора и клуба еврейских рабочих, где он сказал, что «не может представить себе лучшего способа объединить еврейскую общину, чем создание подобных клубов». Черчилль добавил, что, посетив больницу и школу Талмуд-тора, он был «очень тронут той работой, которую проводит там еврейская община». Он считал, что «люди могут объединиться лишь на базе какого-то основополагающего общего принципа. В этой части Манчестера евреи сохраняют дух своего народа и свою веру». Он посоветовал им сохранять и поддерживать этот дух, сказав: «Это замечательная вещь, которая объединяет вас, дарит вам вдохновение и является источником вашей силы».

Черчилль также присутствовал на специальной службе в Большой синагоге на Читэмхилл роуд, проводившейся для сбора средств в пользу Еврейской мемориальной больницы имени королевы Виктории. Из еврейской юношеской бригады был составлен почетный караул. Настоятель кафедрального собора Манчестера епископ Уэлдон, в школьные годы Черчилля возглавлявший колледж в Харроу, направил теплое послание со словами поддержки благотворительного проекта «своих еврейских сограждан».

В ту же ночь в театре «Палас» состоялся митинг в поддержку Еврейского больничного фонда. Рассказав о «приятном и памятном дне, проведенном в северо-западном Манчестере», Черчилль сказал, что «мы много слышали в эти дни о пользе совместной общинной жизни. Я полагаю, что, если мы собираемся обеспечить достойную жизнь большим массам людей, то мы должны изучать успешные примеры общинной жизни так, как мы до сих пор не пытались этого делать. Для достижения конкретных целей мы должны уметь объединяться вместе». При этом общественная жизнь «ничего не стоит, если за ней не стоят личные усилия. Простая механическая организация общества в большие группы была бы абсо-

лютно бесплодной, если бы эти большие группы не поддерживались сильным духом личной заинтересованности». Это было его искренним убеждением. Если можно сделать так, чтобы люди «прилагали усилия для процветания этой конкретной больницы, чтобы это процветание непосредственно зависело от них, то они бы создали что-то новое в этом мире. Они бы получили рычаг, с помощью которого могли бы устранить грех, болезни, горе и нужду. И это было бы ценнее деятельности любой обычной официальной организации, потому что несло бы на себе отпечаток как личного участия людей, так и их коллективных устремлений».

– Я совершенно уверен в том, – сказал далее Черчилль, – что, если бы мы вели активную общественную жизнь, то мы бы получили более высокие стимулы, большую движущую силу. Евреи стали удачливой общиной, потому что в них присутствовал их общинный дух, дух их расы и веры». Он не желает, чтобы «этот дух использовался лишь для каких-то узкоклановых целей, лишь для того, чтобы отделить себя от других». Он верил, что это расходилось бы «с их истинными настроениями и намерениями». Он видел, что «та активная движущая сила, которая была характерна для их общины, придает их организациям живучесть, которую не может дать ничто другое».

«Я говорю вам: будьте хорошими евреями, – заявил Черчилль. И добавил под звуки приветствий: – Еврей не может быть хорошим англичанином, не являясь хорошим евреем».

После столь энергичной и успешной борьбы против предложенного консерваторами закона об иностранцах Черчиллю пришлось затем противостоять в парламенте новому проекту закона об иностранцах, внесенному уже правительством либералов. И пусть новый проект, ставший законом в 1908 году, существенно отличался от выдвинутого в свое время консерваторами, он тем не менее оставался по существу ограничительным. 8 февраля Черчилль написал письмо протеста министру внутренних дел Герберту Гладстону в связи с новым законом: «Я озабочен тем, что, как я на днях узнал, еврейская община страны горько разочарована последствиями применения этой грубой и непростительной меры – нового закона об иностранцах... Я надеюсь, что вы сможете что-нибудь предпринять, чтобы успокоить широко распространившееся чувство недовольства. Я уверен, что либеральная партия должна поддержать аннулирование столь глупого законодательного акта».

Далее Черчилль изложил свои замечания относительно вступившего в силу закона: закон на деле совсем не препятствовал въезду в страну «всякого рода мошенников, бродяг, воров обоего пола, если только они сумеют (на ворованные деньги) прибыть в Великобританию первым или вторым классом. Но он препятствует прибытию честных, но бедных людей». Далее Черчилль указывал, что с теми, кого вернули «из страны обетованной в места отчаяния – то есть из Англии в Россию, обошлись столь жестоко лишь потому, что у них не было достаточных средств, а не потому, что они нежелательны в том смысле, как нежелательны бесчестные или развращенные люди. Официальные лица, ответственные за применение этого закона, использовали неприемлемые и поверхностные критерии при своих обследованиях и проверках потенциальных иммигрантов». При этом детей отрывали от родителей, а «люди, насильственно возвращенные в свои страны, снова прибывали сюда за счет благотворительных организаций в виде пассажиров первого класса. Это показывает гротескный результат действий нового закона. Если только иностранец сумеет выпросить, занять или украсть деньги на билет первого класса, то он приветствуется. Если он сэкономит и прибудет по билету третьего класса, он отвергается, разве только у него есть с собой достаточная сумма денег, размер которой меняется по прихоти министра внутренних дел». Закон в результате был одновременно «и бесполезным, и обременительным».

14 марта 1907 года Черчилль возглавил группу депутатов парламента, протестующих против введенной новым законодательством высокой платы за получение британского гражданства, которая добилась приема у премьер-министра сэра Генри Кемпбелла-Бэннермана. Но, несмотря на эту встречу и на еще одну инициативу Черчилля год спустя, плата за получе-

ние гражданства оставалась слишком высокой для малоимущих иммигрантов. Усилия Черчилля по изменению ситуации оказались безуспешными. Однако его озабоченность положением с иммиграцией была совершенно искренней. Он постоянно добавлял новые факты и подробности в свои выступления против нелепого иммиграционного законодательства, оттачивая свою аргументацию в борьбе с ним. Но он по-прежнему оставался в меньшинстве, даже внутри своей собственной либеральной партии.

В январе 1908 года, через несколько месяцев после возвращения Черчилля из поездки по Восточной Африке, видный британский сионист Моше Гастер попросил его обратиться с посланием к ежегодной конференции Английской сионистской федерации. Федерация настаивала на том, чтобы Палестина, а не Восточная Африка, стала местом создания еврейского национального очага. Гастер просил Черчилля включить в послание положение о признании Иерусалима в качестве «единственной конечной цели» еврейского народа и о том, что достижение этой цели должно стать «одной из немногих ясных задач на ближайшее будущее».

Черчилль знал, что подобное положение о статусе Иерусалима может быть одобрено «территориалистами», имевшими большое влияние в Манчестере и еще не оставившими надежду на создание еврейских поселений под властью британской короны в Восточной Африке. Поскольку Черчилль сильно зависел от избирателей-евреев Манчестера, он не решился включить подобный пассаж о Иерусалиме в свое послание. Объясняя это решение Черчилля, Эдвард Марш, личный секретарь У. Черчилля, написал Гастеру, что, «к большому сожалению и разочарованию Черчилля, последний считает необходимым подчеркнуть, что ему не следует публично озвучивать мнение, содержащееся во второй части проекта послания и затрагивающее щекотливые проблемы до тех пор, пока он не вернется в положение большей свободы и меньшей ответственности». Марш добавил: «Черчилль просит рассматривать эти слова как совершенно личные, предназначенные лишь для Вас».

В результате текст послания Черчилля, направленного 30 января 1908 года ежегодной конференции Английской сионистской федерации, был сформулирован следующим образом: «Я с полной симпатией отношусь к традиционным историческим ожиданиям евреев. Их возвращение в то место, которое исторически служило центром их государственности, символом национального и политического единства стало бы великим событием в истории всего мира. Будут ли основные усилия еврейского народа сосредоточены на обретении национального очага в Палестине, или же пока что будут выбраны иные возможные места для объединения евреев, изо дня в день страдающих от своей раздробленности и разбросанности, – это те вопросы, на которые я едва ли способен дать определенные ответы».

В апреле 1908 года Черчилль был назначен на свой первый министерский пост – пост президента Торговой палаты. По тогдашним парламентским правилам он должен был быть после этого переизбран в парламент. Черчилль принял участие в выборах, однако потерпел поражение. Чтобы сохранить свой министерский пост, он принялся срочно искать другой избирательный округ и в конце концов нашел его в Данди, в Шотландии.

Дружеские отношения, возникшие между Черчиллем и лидерами еврейской общины Манчестера, были подлинными и имели большое значение. Один из лидеров общины, Джо-зеф Дальберг, написал Черчиллю, пытаясь как-то утешить его после поражения на выборах: «Лично для меня, как и для многих других людей, расставание с вами является большой утратой, и я не могу свыкнуться с ней. Утешением для меня служит то, что я сделал все, что мог, для вашего успеха, и в том, что касается ваших еврейских избирателей, вы не должны были быть разочарованы. Если бы другие группы избирателей так же сплотились вокруг вас, вы бы выиграли с большим перевесом. Согласно нашим подсчетам, на вашей стороне было не менее 95 процентов еврейских избирателей».

Осенью 1908 года, не будучи более членом парламента от Манчестера, Черчилль приехал туда, чтобы открыть новый корпус здания еврейской больницы в Читэме. «Когда я появился среди своих еврейских друзей в Читэме, – сказал Черчилль, – то меня, как всегда, ожидал добрый и сердечный прием». Являясь членом парламента от Манчестера, он принимал особое участие в делах еврейской общины. И хотя сейчас он больше не представлял их в парламенте, его интерес к жизни общины сохранился. Он с удовольствием наблюдал за жизнью и работой еврейской общины в Англии. Он отмечал при этом, что в общине существовало высокое чувство коллективной ответственности и чувство долга.

Еврейская больница, заявил Черчилль, была одним из примеров «тех совместных общинных проектов, которые с воодушевлением осуществляли евреи Манчестера. Существует так много болезней и лишений, что нужно иметь каменное сердце, чтобы воздерживаться от помощи и выражения сострадания к ближним». Он сказал, что «можно по праву гордиться тем, что эта больница открыта для всех, независимо от воззрений, национальности и условий жизни». Он заявил, что всегда будет с гордостью хранить подаренные ему ключи от больницы. Они будут символизировать не только его связь с больницей, но и память о еврейской общине Манчестера, к которой он навсегда сохранит самое теплое чувство дружбы и уважения.

Выражая искреннюю признательность Черчиллю, президент Сионистского комитета Манчестера и попечитель больницы доктор Чарльз Дрейфус отметил, что имя Черчилля «сохранится в потомстве как имя одного из тех людей, кто завоевал любовь евреев, и особенно тех из них, кто ощутил на себе негативные последствия отвратительного закона об иностранцах, против которого он столь блестяще боролся. Они верят, что на своем ответственном посту он сумеет добиться того, что трудности, испытываемые иностранцами, будут в конечном счете минимизированы, и поможет им своей энергией и влиянием».

В 1910 году Черчилль был назначен министром внутренних дел, отвечавшим за поддержание общественного порядка. Август 1911 года стал для него временем подлинных испытаний – в этот период прошел ряд общенациональных забастовок в портах, на железных дорогах и на рудниках. В центре этих промышленных конфликтов стояла борьба за повышение заработной платы и за лучшие условия работы. Но эти конфликты привели к побочному результату, имевшему трагические последствия для евреев – к единственному в истории Великобритании еврейскому погрому.

Нападения на лавки и дома, которыми владели евреи, произошли в Южном Уэльсе. Акты насилия начались 18 августа в горняцком городе Тредегар, где тридцать еврейских семей жили среди двадцатитысячного населения. При этом семнадцать семей владели магазинами, одна семья занималась производством минеральной воды, в трех торговали вразнос, а еще один еврей был раввином. Лишь одна еврейская семья владела доходным домом, помещения в котором сдавались внаем. Но по городу прошел слух о том, что будто бы домовладельцы-евреи изгоняют те семьи горняков, которые не могут вовремя оплатить свои расходы, а сами при этом постоянно повышают квартплату, требуя все больше. Этот слух быстро распространился среди шахтеров, и в течение трех дней на евреев Тредегара, их дома и лавки совершались нападения.

Черчилль предпринял немедленные жесткие меры. Полиции было приказано блокировать въезды в город, чтобы воспрепятствовать появлению там преступников из соседних городов, привлеченных возможностью легкого грабежа. 20 августа, на третий день насилий, после того как выяснилось, что полицейские кордоны не могут полностью блокировать въезды в Тредегар, Черчилль совместно с Министерством обороны организовал отправку туда сотни солдат.

Но нападения на евреев продолжались, постепенно распространившись от Тредегара до Эббоу-Уэйл и далее в другие небольшие города и поселки. Правда, при этом никто из евреев не был убит. В Эббоу-Уэйл нападения на евреев и еврейскую собственность начались 21 августа. Войска достигли этого города лишь к полуночи. «Когда за несколько минут до полуночи грабежи достигли наивысшего уровня, – говорилось в отчете, полученном Черчиллем из Эббоу Уэйл, – раздались крики: «Солдаты идут!» Эффект был мгновенным. Грабители побежали в свои дома, как кролики в норы».

Когда вооруженные ломом бунтовщики ворвались в дом еврея, владевшего табачной лавкой, и проникли в гостиную, то находившиеся в доме мужчины, женщины и дети были вынуждены, по словам газеты «Джуиш кроникл», спрятаться на чердаке и были спасены только с появлением солдат. «После освобождения они обнаружили, что лавка была полностью разрушена, а товары украдены, – писала газета. – Газовые светильники были отвинчены и унесены».

Подобные отчеты о разрушениях и о том воздействии, которое оказывало появление солдат, дошли до Черчилля 22 августа. Его инструкции немедленно использовать войска, чтобы остановить антиеврейские выступления, были применены повсеместно, и 23 и 24 августа вспышек насилия уже не было.

Использование Черчиллем войск вызвало недовольство на обоих краях политического спектра. Тред-юнионистам казалось непростительным использовать войска против горняков. Для консерваторов любое использование войск служило признаком неприемлемой милитаризации страны. Но Черчилль убедился, что его решение было эффективным, и, несмотря на политические атаки на него со стороны как консерваторов, так и либералов, послал дополнительный контингент войск в долину Сирхоуи, к югу от Тредегара, когда там тоже начались нападения на евреев.

Лидеры еврейской общины страны выразили признательность Черчиллю за его решительные действия. Дэвид Александер, президент Совета представителей британских евреев – организации, созданной для защиты интересов евреев, сказал в интервью: «Я полагаюсь на официальное заявление Министерства внутренних дел о том, что не существует больше причин для тревоги среди еврейской общины Южного Уэльса. В этом районе находится достаточно войск, и, пока не наступит полное успокоение, они не будут отозваны». Сообщая Совету представителей о вспышках насилия, Александер писал, что, прибыв в Лондон 21 августа, в самый разгар антиеврейских выступлений, он сразу отправился в Министерство внутренних дел. Там его приняли очень сердечно и пригласили приходить в любое время. Он получил веские заверения в том, что евреи будут обязательно защищены от возможных будущих нападений.

В последовавшие после нападений дни Черчилль проследил за тем, чтобы как можно больше нападавших были арестованы, предстали перед судом и были приговорены к срокам до трех месяцев каторжных работ. После того как эти приговоры были утверждены, местное население собралось на массовые митинги, на которых были собраны сотни подписей под обращениями к Черчиллю с протестом против этих приговоров. Делегации местного населения Уэльса представили эти петиции министру внутренних дел. Однако Черчилль ответил им, что в результате «серьезного и тщательного рассмотрения ситуации он решил, что не может вмешиваться в решения местного правосудия».

Используя свою власть министра внутренних дел, Черчилль без промедления употребил силу для немедленного пресечения актов насилия против евреев в Великобритании.

Глава третья

Первая мировая война и ее последствия

4 августа 1914 года, вслед за вторжением немецких войск в Бельгию, с которой Великобритания была связана договором о союзе, действовавшим в течение более чем семидесяти лет, Великобритания объявила войну Германии. Все германские подданные, находившиеся в Великобритании, в силу законов военного времени могли автоматически стать «враждебными иностранцами». К их числу принадлежали и являвшиеся германскими подданными этнические евреи, давно перебравшиеся на жительство в Англию. Одним из них был и Ганс Герцль – сын Теодора Герцля. «С помощью Уинстона Черчилля, – вспоминал позднее видный британский сионист Зелиг Бродецки, – Ганс немедленно получил британское подданство, как только началась война».

Когда началась война с Германией, Черчилль оказал поддержку двум другим евреям – членам парламента. Когда его родившийся в Австрии друг барон де Форест, член парламента от либеральной партии, избранный по округу Уэст-Хэм, был обвинен в принижении роли британских Вооруженных сил и в том, что в своих речах поддерживал идею победы Германии в войне, Черчилль написал генеральному прокурору Великобритании следующее письмо: «Я убежден в лояльности барона де Фореста и в присущем ему чувстве долга, хотя, видимо, временами он позволял себе говорить чересчур свободно и его аргументы заходили слишком далеко». Черчилль добавил, что де Форест, занимавший должность заместителя командующего резерва ВМФ, уже отбыл во Францию на театр военных действий, что делает абсурдными все выдвинутые против него обвинения и саму возможность его дальнейшего преследования. В следующем году Черчилль прекратил свое членство в Реформ-клубе после того, как де Фореста исключили из членов этого клуба.

После начала войны родившийся в Германии Фрэнк Голдсмит, член парламента от консервативной партии по округу Стоумаркет, был обвинен в прогерманских симпатиях. Все началось после того, как его племянник Эрнст фон Маркс прислал ему телеграмму из Германии, в которой патетически спрашивал: «Как ты можешь думать о том, чтобы сражаться за кого-то еще, кроме твоей Родины?» В избирательном округе Голдсмита начались волнения. Черчилль, по словам сына Голдсмита, был одним из немногих коллег-парламентариев, последовательно «стоявших за него».

Когда военные действия на море усилились, Черчилль как первый лорд адмиралтейства столкнулся с растущим дефицитом в Великобритании ацетона – растворителя, используемого при производстве кордита, важнейшего взрывчатого вещества. Через главу порохового отдела адмиралтейства сэра Фредерика Натана Черчилль связался с Хаимом Вейцманом, работавшим в Манчестерском университете. В своих мемуарах Вейцман так вспоминал об их встрече: «Мистер Черчилль тогда был намного моложе. Он был подвижный, обаятельный, обворожительный и энергичный. Когда мы встретились, то его первыми словами были: «Итак, доктор Вейцман, нам нужно тридцать тысяч тонн ацетона. Можете ли вы их произвести?» Я был так напуган этими гигантскими цифрами, что чуть не поджал хвост». Вейцман ответил Черчиллю: «До сих пор мне удавалось производить лишь нескольких сотен кубических сантиметров ацетона путем процесса ферментации. Я всего лишь химик-исследователь. Но если технология производства ацетона путем ферментации будет окончательно отлажена, то ацетон таким способом можно будет производить практически в любых масштабах. Для этого мне потребуется хороший инженер и поддержка со стороны

правительства, чтобы я мог получить необходимых мне людей, оборудование, помещения и все остальное».

Это вполне устроило Черчилля, и Вейцман вспоминал: «Я получил карт-бланш от Черчилля и от порохового отдела адмиралтейства и взялся за работу, потребовавшую от меня всей моей энергии в течение последующих двух лет, работу, которая привела к последствиям, которых я не мог даже представить себе». Одним из таких последствий явилось сотрудничество Х. Вейцмана с преемником Черчилля на посту первого лорда адмиралтейства Артуром Бальфуrom. Вейцману удалось убедить Бальфура поддержать идею создания еврейского национального очага в Палестине, которую можно было бы осуществить после поражения Турции в Первой мировой войне.

Через четыре месяца после начала войны бои на Западном фронте превратились в позиционные. Война зашла в кровавый тупик. Это побудило Черчилля выступить с предложением осуществить атаку против Турции – союзника Германии и Австро-Венгрии. Черчилль предложил высадить морской десант на Галлиполийском полуострове, откуда можно было угрожать турецкой столице Константинополю. Черчилль полагал, что это может заставить Турцию выйти из войны, что приведет к ослаблению коалиции центральных держав. Он надеялся, что в конечном счете это позволит уменьшить продолжительность войны. Черчилль хотел покончить с тем, что он презрительно именовал «отправлять наши армии пережевывать колючую проволоку» на Западном фронте.

В боях на Галлиполийском полуострове с апреля по декабрь 1915 года вместе с британскими, австралийскими и новозеландскими частями сражался Сионский корпус погонщиков мулов. Это подразделение было сформировано в Египте из евреев, изгнанных ранее турками из Палестины.

Перспектива поражения Турции разожгла территориальные аппетиты Великобритании. Сэр Герберт Самуэль, один из двух евреев в составе британского кабинета министров, предложил распространить на Палестину власть британской короны с тем, чтобы в будущем она могла стать населенной преимущественно евреями самоуправляющейся территорией. Черчилль в свою очередь решил, что пришло время освободить Палестину из-под власти Турции, и в письме министру иностранных дел сэру Эдварду Грею предложил передать ее под управление Бельгии. Черчилль аргументировал это тем, что Бельгия с самого начала войны больше всего пострадала под гнетом немецкой оккупации. По иронии судьбы, именно сэр Герберт Самуэль руководил в Великобритании кампанией по приему бельгийских беженцев.

Провал морской наступательной операции в Дарданеллах привел к закату военной карьеры Черчилля. В декабре 1915 года Черчилль подал в отставку. Уйдя со своего правительственного поста, он отправился на Западный фронт, где в звании подполковника служил в должности командира батальона. В его дивизии переводчиком с французского языка работал тридцатилетний лейтенант-еврей Эмиль Герцог, впоследствии ставший известным как писатель Андре Моруа. Когда Черчилль решил дать возможность своим солдатам мыться в ваннах, то Моруа по его просьбе отправился в соседний город Байе и договорился с местной пивоварней о том, чтобы она предоставила им свои бочки из-под пива вместо ванн. Позже, тоже по его просьбе, Моруа помог доставлять баранину, овощи и молочные продукты с ферм, расположенных за линией фронта, для нужд солдат и офицеров батальона. Позже Моруа писал: «Я не смею надеяться, что он заметил какого-то безвестного француза, который лишь смотрел на него с немим восхищением». Но на самом деле Черчилль заметил его и даже специально упомянул в письме своей жене Клементине об очень «внимательном и элегантном офицере», приставленном к нему в качестве переводчика.

В мае 1916 года Черчилль вернулся в Великобританию и снова стал членом парламента. В декабре того же года Ллойд-Джордж был назначен премьер-министром. Он объявил о намерении «более решительно» вести войну. В июле 1917 года он назначил Черчилля министром вооружения. Черчилль стал отвечать за производство оружия, включая танки и авиацию, необходимые для победы над Германией. Одним из тех, с кем Черчилль работал вместе в своем новом министерстве, был сэр Альберт Стерн, генеральный директор Управления по производству танков и убежденный сионист. Другим ведущим сотрудником Министерства вооружений был эксперт в области взрывчатых веществ полковник Фредерик Натан, еврей по национальности. Под его началом работал Хаим Вейцман. А семью годами ранее Черчилль в качестве министра внутренних дел подписал документы, предоставляющие Вейцману британское гражданство.

В 1916 году Вейцман стал директором лабораторий британского адмиралтейства, в которых на основе процессов бактериальной ферментации вырабатывался ацетон, применявшийся при получении кордита, одного из важнейших взрывчатых веществ. Для ферментации Вейцман использовал бактерию *clostridium acetobutylicum*, известную как «организм Вейцмана». Одним из главных источников этих бактерий был каштан конский. 8 октября 1917 года в британских газетах появилось сообщение о том, что более 20 000 тонн конских каштанов, собранных школьниками, будут поставлены Министерству вооружений к концу года. Черчилль, которому раньше ничего не докладывали о роли каштанов в производстве кордита, был крайне удивлен этой новостью. Он написал сэру Фредерику Натану 2 ноября 1917 года: «Прошу объяснить мне, зачем вам понадобились каштаны и что вы собираетесь с ними делать?» Черчилль при этом подчеркнул слово «каштаны». Позже ему объяснили, для чего потребовались каштаны.

Письмо Черчилля по поводу сбора каштанов для нужд войны было послано в тот же самый день, когда А.Дж. Бальфур, министр иностранных дел в правительстве Ллойд-Джорджа, послал второму барону Ротшильду письмо, ставшее известным как Декларация Бальфура. Полностью это письмо, написанное на бланке Министерства иностранных дел, звучало следующим образом: «Правительство Его Величества³ с одобрением рассматривает вопрос о создании в Палестине национального очага для еврейского народа и приложит все усилия для содействия достижению этой цели; причем ясно подразумевается, что не должны производиться никакие действия, которые могут нарушить гражданские и религиозные права существующих нееврейских общин в Палестине, или же права и политический статус, которым пользуются евреи в любой другой стране».

Британский кабинет надеялся, что выдвинутая им идея создания еврейского национального очага в Палестине заставит живущих в России евреев способствовать тому, чтобы находившаяся тогда в состоянии революционной агонии Россия продолжала воевать против Германии на стороне союзников. Кабинет также рассчитывал, что благодаря этой декларации американские евреи будут содействовать ускорению военных приготовлений Соединенных Штатов, которые уже вступили в войну с Германией, но пока были не слишком активны на поле боя.

Ради этого Вейцман согласился поехать сначала в Соединенные Штаты, а затем в Россию, чтобы провести соответствующую пропагандистскую кампанию среди живших там евреев и убедить их стать сторонниками продолжения войны. Но 8 ноября 1917 года, еще до отъезда Вейцмана, большевики захватили власть в Петрограде и провозгласили окончание войны. Вождь большевиков Владимир Ильич Ленин обещал русским массам хлеб и мир; первым, что предоставило народу новое большевистское правительство в течение первых

³ Короля Георга V. – Прим. перев.

дней революции, стал мир, за которым почти немедленно последовала беспрепятственная германская оккупация огромных территорий на западе и юге России.

Декларация Бальфура была опубликована слишком поздно, чтобы предотвратить триумфальный приход к власти большевиков. Она, однако, побудила американских евреев, особенно выходцев из России, поехать в Палестину воевать с турками в составе британской армии. Среди этих рожденных в России евреев, записавшихся в 1918 году в британскую армию, был Нехемия Рубицов, оставшийся потом в Палестине. Там у него в 1922 году родился сын, ставший известным под именем Ицхака Рабина.

Черчилль всегда признавал, что декларация британского правительства, в которой с симпатией говорилось о создании в Палестине национального дома для еврейского народа, была прежде всего продиктована неотложными военными нуждами. Но впоследствии, когда ситуация изменилась, ее уже нельзя было отбросить. В глазах Черчилля также очень многое значил тот факт, что евреи-сионисты являлись противниками большевиков. Он ясно видел, в каком опасном положении оказались Великобритания, Франция и Соединенные Штаты в марте 1918 года в результате выхода России из войны и укрепления большевистской диктатуры внутри самой России. Жестокое подавление Лениным демократически избранного Учредительного собрания и установление грубой тирании тайной полиции являлись для Черчилля совершенно неприемлемыми.

В Соединенных Штатах коллегой Черчилля в области организации производства вооружений был еврейский финансист Бернард Барух, являвшийся председателем комитета по военной промышленности в администрации президента Вудро Вильсона. Хотя Черчилль и Барух не встречались во время войны, они обменялись многими сотнями письменных посланий во время совместной работы по обеспечению поставок сырья, необходимого для поддержания военных усилий союзников.

Живший во Франции Зигфрид Сассун, член семьи Сассун, с которой Черчилль давно поддерживал тесные связи, писал страстные стихи, в которых он обличал бедствия и бесплодность войны. Черчилль знал эти стихи наизусть и часто читал их вслух. Когда Черчилля однажды пытались отговорить от встречи с Сассуном, он бросил: «Я нисколько не боюсь Зигфрида Сассуна. Этот человек умеет думать. Я боюсь лишь тех людей, которые не умеют думать».

Первая мировая война закончилась 11 ноября 1918 года. Премьер-министр и лидер либеральной партии Дэвид Ллойд-Джордж организовал новые выборы. В результате выборов большинство в палате общин завоевали консерваторы, которые вскоре согласились войти в широкую правительственную коалицию наравне с либеральной партией Ллойд-Джорджа. 26 декабря, когда Ллойд-Джордж формировал свой кабинет, Черчилль направил ему свои соображения по составу нового правительства: «Мне кажется, что у вас в правительстве не должно быть слишком много евреев». Обсуждая стремление трех видных членов либеральной партии, евреев по национальности, войти в состав правительства, Черчилль отметил, что двоих он был бы готов видеть в правительстве, однако кандидатура третьего казалась ему уже явным перебором: «Я боюсь, что наличие сразу трех евреев в числе всего семи либералов – членов кабинета может вызвать нежелательные толки». В результате на министерский пост был назначен всего лишь один еврей. Ллойд-Джорджу пришлось уступить несколько министерских постов консерваторам, дабы сохранить коалицию.

В этом кабинете Черчилль стал министром обороны. Его главная задача заключалась в том, чтобы четко и спокойно провести демобилизацию огромной британской армии. Точно так же, как и их товарищи по оружию, о демобилизации мечтали и солдаты-евреи. Черчилль установил правило, согласно которому из армии увольнялись в первую очередь те, кто прослужил дольше всего.

Через два года после окончания войны Черчилля попросили написать предисловие к книге памяти, в которой содержался список всех сражавшихся в британских войсках солдат-евреев, в том числе и убитых на полях сражений в период 1914–1918 годов. «Я с большим удовольствием выполню вашу просьбу написать предисловие, – писал он. – Я чувствую, однако, что такое послание является излишним перед лицом фактов, которые говорят сами за себя». Черчилль отметил, что хотя евреи составляют «лишь небольшой процент населения Британской империи, 60000 из них сражались на войне в Европе, Африке и Азии. И 2324 человека отдали свои жизни в борьбе за общее дело и еще 6350 были ранены».

Черчилль с чувством глубокой признательности к героям войны указывал, что пять евреев были удостоены Креста Виктории – «высочайшей награды, возможной в нашей стране», а еще 1533 получили другие награды за храбрость. Его письмо заканчивалось словами: «Я могу с уверенностью сказать, что это свидетельствует о большой доблести и о больших заслугах военнослужащих-евреев. Британские евреи могут с законной гордостью вспоминать о той важной роли, которую они сыграли в достижении победы в этой великой войне».

Основной задачей Черчилля в Министерстве обороны было продолжать ту политику, которая была выработана еще до его вхождения в состав кабинета, и состояла прежде всего в снабжении британским оружием белых армий в России, пытавшихся в тот момент изгнать большевиков из Петрограда и Москвы. 2 июня 1919 года он ознакомился с заявлением одного ведущего русского политика, являвшегося идейным противником большевиков, в котором говорилось о том, что, если Петроград будет захвачен белыми, то от победителей следует ожидать «больших эксцессов». Черчилль немедленно попросил начальника Генерального штаба подготовить проект телеграммы командующему британскими войсками на севере России. Черчилль заявил, что любые вооруженные силы, поддерживаемые Великобританией хотя бы косвенно, «должны действовать в соответствии с признанными законами и обычаями ведения войны и вести себя гуманно». Посланная командующему британскими войсками телеграмма содержала упоминание о широкой, хотя и далеко не всеобщей поддержке большевиков евреями, и о негативных последствиях, которые могли наступить из-за этого для евреев. «Ввиду видной роли евреев в организации большевистской власти и террора, – говорилось в телеграмме, – существует особая опасность еврейских погромов. Против этой опасности следует энергично бороться».

Во время боевых действий против большевиков на юге России Добровольческая армия под командованием генерала Деникина подвергла евреев жестокому обращению в более чем 160 городах и деревнях. Несколько тысяч евреев были убиты. Дело было не только в глубинных антисемитских традициях южной России и Украины, где еврейские погромы происходили начиная с семнадцатого века, но и в том, что после большевистской революции 1917 года многие евреи в надежде завоевать для себя лучшее будущее переметнулись к большевикам. Несколько евреев, имена которых стали широко известны и которых все страшно боялись, стали политическими комиссарами большевиков и занимались установлением коммунистического правления в южной России с особой жестокостью и страстью.

Черчилль был осведомлен об этом, и делал все, чтобы не допустить неоправданного террора по отношению к евреям. 18 сентября 1919 года он предупредил командующего британскими силами в южной России генерала Хольмана: «Очень важно, чтобы генерал Деникин не только сделал все, что в его силах, дабы предотвратить убийства евреев в освобожденных районах, но и издал специальные прокламации против антисемитизма». Черчилль добавил: «В Англии евреи очень влиятельны и, если бы все убедились, что Деникин защищает евреев во время продвижения вперед своих войск, то это значительно облегчило бы мою задачу».

14 октября Черчилль объявил, что хотя британские войска и выводятся из России, британская материальная и военная помощь русским антибольшевистским силам будет продолжена. Черчилль указывал, что одним из результатов продолжающейся британской помощи должно было стать «уменьшение антисемитизма, который спровоцировали своими действиями комиссары-евреи и который так твердо старался сдерживать генерал Деникин».

Убийства евреев белыми армиями продолжались. 21 октября Черчилль составил проект инструкции для отправки генералу Хейкингу, старшему британскому представителю, прикомандированному к белым армиям на юге. В инструкции говорилось: «Должно быть сделано все... чтобы предотвратить массовые репрессии... Все, что будет напоминать еврейские погромы, нанесет колоссальный вред делу русских».

Инструкции Черчилля сопровождалась угрозой введения эмбарго на поставку вооружений. «Все влияние британского представителя должно быть использовано для обеспечения безопасности ни в чем не повинных евреев и непредвзятого судебного разбирательства для всех виновных. Генерал Хейкинг уполномочен сделать для этого все, вплоть до прекращения дальнейших поставок вооружения в Россию. Используя этот важный рычаг, он сможет снизить уровень жестокости по отношению к евреям».

Получив записку от Ллойд-Джорджа о продолжающихся убийствах евреев белыми русскими армиями, Черчилль обратился с посланием непосредственно к Деникину: «Я знаю, что сейчас, когда достигнуты столь блестящие результаты, ваше превосходительство понимает жизненную необходимость всеми возможными средствами воспрепятствовать плохому обращению с еврейским населением. Мне будет бесконечно труднее продолжать обеспечивать русскому национальному делу поддержку в британском парламенте, если из тех мест, что заняты Добровольческой армией, будут продолжать поступать жалобы от евреев. Я знаю об усилиях, уже предпринятых вами в этой связи, и о том, как трудно сдерживать антисемитские чувства. Но, являясь вашим искренним доброжелателем, я прошу вас удвоить эти усилия и дать мне возможность с аргументами в руках отстаивать честь Добровольческой армии».

На следующий день после отправки этого послания Черчилль написал Ллойд-Джорджу: «Я послал вам несколько документов, касающихся обращения Добровольческой армии с евреями». Из этих документов следовало, что «действия евреев, которых считают главными вдохновителями разрушения Российской империи и которые, безусловно, играли ведущую роль в большевистской революции, породили чувство ожесточения во всей России». Одним из результатов этого стала «страшная резня» евреев на Украине, осуществленная бойцами Симона Петлюры, провозгласившего себя главой Украинской народной республики, бойцами вождя анархистов Нестора Махно и солдатами генерала Григорьева, бывшего царского генерала, недавно устроившего резню евреев в Одессе.

Другой вывод Черчилля заключался в том, что антисемитские чувства разделялись и всеми бойцами, которые служили под началом Деникина. Но, поскольку в его армии царил высокий уровень дисциплины, «подобные чувства можно было сдерживать». Далее Черчилль указывал, что Деникин по собственной инициативе «постоянно предотвращал всеми доступными ему средствами нападения на евреев, в результате чего он подвергался нападкам петлюровцев и раздраженных такой политикой украинцев, которые упрекали его в том, что он – защитник евреев и даже куплен ими».

Черчилль сообщал Ллойд-Джорджу о том, что глава британской миссии генерал Хольман высоко оценил предпринятые Деникиным усилия с целью предотвратить убийства евреев. В этом смысле Хольман безоговорочно ручался за него и за все командование Добровольческой армии. В ответном письме Ллойд-Джордж отметил: «Действительно, присланные вами документы показывают, что высшее командование Добровольческой армии прилагает все возможные усилия с целью не допустить подобных инцидентов».

В качестве министра обороны Черчилль нес также ответственность за Палестину, находившуюся после поражения Турции в Первой мировой войне под управлением английской администрации. 10 сентября Хаим Вейцман в качестве главы базировавшегося в Лондоне Исполнительного сионистского комитета написал ему письмо, прося назначить новым главой администрации того, кто симпатизировал бы идеям сионизма. Сам Вейцман предлагал в этой связи кандидатуру генерала Уиндхема Дидса. Генерал Дидс отвечал за организацию снабжения еврейских колоний в Палестине после войны. Вейцман сообщил Черчиллю, что он уже обсуждал возможность назначения Дидса с генералом Алленби на Парижской мирной конференции и ему показалось, что Алленби «с симпатией отнесся к такому предложению».

У Вейцмана имелись и другие просьбы. Всемирная сионистская организация, президентом которой он являлся, была «крайне заинтересована в том, чтобы прислать в Палестину группу экспертов для общего исследования страны и подготовки планов на будущее с тем, чтобы, когда будут приняты соответствующие политические решения, еврейский народ смог не теряя времени начать работу по превращению Палестины в свой национальный очаг». Вейцман писал, что в ходе своих бесед с Алленби в Париже он очень твердо настаивал на этом, указывая, что сионисты должны эффективно использовать нынешний переходный период для того, чтобы все детально подготовить к моменту принятия политических решений.

Сионистская организация была заинтересована и в конкретных шагах со стороны британской администрации в Палестине, объяснял Черчиллю Х. Вейцман. «Не стоит и говорить о том, что теперь мы надеемся на доброжелательное отношение британской военной администрации к сионистскому движению в Палестине и ожидаем подобного отношения к себе, – писал он. – Не хотелось бы вспоминать прошлое, однако прежде в течение достаточно длительного времени мы сталкивались с довольно неприязненным отношением британской военной администрации Палестины. К счастью, в последнее время благодаря новым инструкциям, посланным туда из Лондона, обстановка претерпела заметные положительные изменения. Отношение британской администрации к евреям перестало быть холодным и неприязненным, и британские власти начали с пониманием относиться к роли евреев в Палестине. Мы будем только счастливы видеть развитие этой тенденции».

Черчилль переслал это письмо Алленби, который 15 октября 1919 года ответил ему: «Как бы ни были велики мои симпатии к целям сионистов, необходимо помнить, что Палестина в настоящее время – лишь оккупированная вражеская территория, полностью находящаяся под управлением нашей военной администрации. Поэтому назначение главы администрации находится полностью в компетенции Министерства обороны, и на него не может никоим образом влиять Исполнительный комитет Сионистской организации. Это, по-видимому, не совсем ясно доктору Вейцману».

Шесть месяцев спустя Дидс действительно был назначен главой британской военной администрации. На этом посту он проявлял сочувствие к целям и позиции сионистов.

В качестве министра обороны Черчилль был озабочен будущим ближневосточных провинций потерпевшей поражение в войне Османской империи. Он опасался, что предполагаемая передача мандатов на управление Палестиной и Месопотамией (Ираком) Великобритании приведет к тому, что его страна окажется втянутой в длительные конфликты на Востоке, которые дорого обойдутся ей. А глава британского правительства Д. Ллойд-Джордж постоянно подчеркивал, что его главной целью в области всех зарубежных сношений была экономия – экономия военных усилий и экономия затрат. Имея это в виду, 25 октября 1919 года Черчилль написал специальный меморандум для британского кабинета, предлагая не разделять территории Османской империи между державами-победительни-

цами, но сохранить ее общую конфигурацию неизменной, передав всю империю целиком под управление Лиги Наций.

Такой план означал бы отказ Великобритании от мандата на Палестину и, как следствие, сделал бы невозможным выполнение обязательства содействовать созданию еврейского национального очага, которое содержалось в Декларации Бальфура.

Выдвигая свое предложение об отказе от участия Великобритании в разделе территорий Оттоманской империи и от последующего управления ими, Черчилль отмечал, что в настоящий момент Франция «заполняет Сирию полчищами алжирских войск и вскоре будет вовлечена там в продолжительный и кровавый конфликт с арабами, защищающими свою страну». По мере развития этой борьбы симпатии Великобритании неизбежно будут все более смещаться в сторону арабов, что нанесет «серьезный ущерб» англо-французским отношениям. Относительно же Палестины Черчилль писал: «Наконец, есть еще евреи, которым мы обещали дать возможность поселиться в Палестине и которые при этом уверены, что местное население должно быть ради их удобства удалено оттуда».

Вышеупомянутые причины, предупреждал Черчилль, могли негативно повлиять на позицию Великобритании в качестве величайшей мусульманской державы, которой она объективно являлась благодаря наличию двадцати миллионов мусульман в Британской Индии. Участие в разделе территорий Оттоманской империи грозило свергнуть Великобританию «в колоссальные расходы и трудности». Поэтому в конечном счете он «вопреки своему желанию пришел к заключению», что политика разделения Турции между европейскими державами была ошибкой.

Если бы Ллойд-Джордж положительно отреагировал на предложение Черчилля, то Великобритания перестала бы нести ответственность за создание еврейского национального очага. Однако Ллойд-Джордж желал в любом случае сохранить британское правление в Палестине и был привержен идее создания еврейского национального очага в соответствии с Декларацией Бальфура. В последующие четыре месяца Черчилль также стал явным и определенным сторонником выполнения этого обязательства.

Глава четвертая

«Борьба за душу еврейского народа»

Стремясь сокрушить большевизм в России, Черчилль детально проанализировал состав и организацию большевистского правительства в Москве. Ему были известны имена и происхождение всех вождей большевиков. Черчилль знал, что чуть ли не единственным членом Центрального Комитета нееврейского происхождения был лишь Ленин. Ни Черчилль, ни его коллеги не были в курсе, что дед Ленина по отцу был евреем⁴.

Выступая 2 января 1920 года в Сандерленде с обзором международной ситуации, Черчилль назвал большевизм «еврейским движением». Черчилль не испытывал ничего кроме презрения к тому, что он называл «грязным большевистским кривляньем». Его старый друг со времен службы в британском адмиралтействе, капитан Кроми был убит на ступенях британского посольства в Петрограде во время нападения на него агентов ЧК. Черчилль тщательно изучил систему большевистского террора против политических оппонентов, демократов и сторонников соблюдения Конституции, и он знал о той существенной роли, которую отдельные евреи играли в установлении и поддержании большевистского режима.

Для нескольких миллионов евреев России, захваченных быстрым и зачастую беспощадным распространением большевистской революции, оставались три возможности: эмиграция – либо в Палестину, либо на Запад, возможность пытаться поддерживать еврейские социальные, религиозные и культурные учреждения внутри России, невзирая на большевистские репрессии, или же союз с большевиками. Меньшинство выбрали последнее. Имея это в виду, 8 февраля 1920 года, через месяц после своей речи в Сандерленде, Черчилль опубликовал в популярной британской воскресной газете «Иллюстриред санди геральд» большую статью, в которой призывал евреев в России и за ее пределами выбирать между сионизмом и большевизмом. «Некоторым нравятся евреи, а некоторым нет, – писал Черчилль, – но ни один думающий человек не сомневается, что это – один из самых заметных и выдающихся народов, появившихся на свете».

Черчилль в драматических выражениях описывал сам еврейский народ: «Конфликт между добром и злом, существующий в сердце каждого человека, нигде не достигает такого накала, как в еврейском народе. Двойственная природа человечества нигде не проявляется более сильно». Развивая эту тему, он выразил свое глубокое уважение к тем аспектам иудаизма, которые произвели на него наибольшее впечатление вследствие его близкого знакомства с Ветхим Заветом. «Мы обязаны евреям христианскими откровениями, – писал он, – системой этики, которая, даже если ее полностью отделить от сверхъестественного, останется наиболее ценным достижением человечества, плодом объединения всех учений и накопленной им мудрости. На этой системе и через эту веру на обломках Римской империи построена вся существующая ныне цивилизация».

Черчилль считал, что, создав христианство, евреи не сказали своего последнего слова. «Может случиться так, – писал Черчилль, – что эта же поразительная нация в настоящее время создаст другую систему морали и философии, настолько же злонамеренную, насколько было благожелательным христианство, и которая, если только не будет остановлена, сможет необратимо пошатнуть все, что христианство сделало возможным». Речь шла о большевизме. «Кажется, будто евангелие Христа и евангелие Антихриста были предназначены для того, чтобы возникнуть среди одного и того же народа; и что эта мистическая

⁴ Автор книги Мартин Гилберт допустил здесь ошибку. Евреем был дед Ленина по матери. – *Прим. перев.*

и таинственная раса была избрана для высшего проявления как божественного, так и дьявольского».

Черчилль хотел избежать создания расового стереотипа. «Нельзя совершить большей ошибки, – писал он, – чем приписать каждой отдельной личности долю качеств, образующих национальный характер. Есть разные люди – хорошие, плохие и, большей частью, равнодушные – в любой стране и в любой нации. Ничто не может быть несправедливее, чем отрицать право каждого человека быть оцененным согласно его личным качествам и поведению. В народе, наделенном особыми дарованиями, как, например, у евреев, контрасты более очевидны, крайности более полярны и в результате последствия этого более значительны».

В нынешний «судьбоносный период» истории, писал Черчилль, «в среде евреев господствуют три главные политические концепции, две из которых весьма полезны для человечества, а третья абсолютно разрушительна». Существуют, во-первых, евреи, которые, проживая во всех странах мира, отождествляют себя с этими странами, являются частью их национальной жизни, и, хотя и придерживаются своей традиционной религии, рассматривают себя как граждане стран, когда-то принявших их. Такой еврей, живущий в Англии, может сказать: «Я – англичанин, исповедующий иудейскую веру». Это, считал Черчилль, «достойная и в высшей степени полезная позиция. Мы в Великобритании хорошо знаем, что во время Первой мировой войны, этой великой битвы, подобные люди играли образцовую роль. И в армиях наших союзников, и в нашей собственной армии солдаты-евреи занимали выдающееся место. Некоторые из них поднялись до уровня командующих армиями, другие заслужили за свою отвагу Крест Виктории».

Черчилль указывал также, что «русские евреи», несмотря на бесправие, от которого они страдали, добились возможности «сыграть почетную и полезную роль в национальной жизни в России». В качестве банкиров и промышленников они энергично содействовали развитию экономических ресурсов России и были среди первых в создании таких организаций, как кооперативные общества. В политике они по большей части придерживались либеральных и прогрессивных взглядов и были в числе самых верных сторонников дружбы с Францией и Великобританией.

Говоря же о тех, кого он называл «международные евреи», то есть о евреях, поддерживавших большевистскую власть внутри России и стремящихся произвести перевороты большевистского образца за ее пределами, Черчилль подчеркивал: «В яростном противостоянии всей сфере плодотворных и полезных еврейских устремлений возникли зловещие планы «международных евреев». Приверженцы этого страшного союза нашлись среди тех несчастных групп населения, где евреи подвергались преследованиям из-за их происхождения. Большинство их, если не все, порвали с верой предков и выбросили из своей головы все надежды на лучшее будущее».

«Нет нужды преувеличивать роль, сыгранную этими международными и большей частью атеистически настроенными евреями в создании большевизма и в осуществлении революции в России, – заключал Черчилль. – Но все же роль, сыгранная ими, превосходит все остальные. Большинство ведущих фигур русской революции были евреями. Более того, основное влияние на развитие революции исходило от еврейских вождей. Они же являлись ее основной движущей силой».

Далее Черчилль перечислил имена нескольких евреев, обладавших реальной властью в России, и неевреев, которых они затмевали. «В советских учреждениях, – писал он, – преобладание евреев еще более удивительно. Значительную, если не ведущую роль в системе террора, насаждаемого Чрезвычайной комиссией по борьбе с контрреволюцией – Чека, – играли евреи, а во многих случаях и еврейки». Это было верно, хотя основатель ЧК Феликс Дзержинский был поляк, а не еврей. Черчилль мог бы также сообщить своим читателям, что в августе 1918 года глава Петроградской ЧК еврей Моисей Урицкий был убит другим

евреем, Леонидом Канегиссером и что спустя две недели еврейка Фанни Каплан совершила покушение на Ленина.

«За пределами России, – сообщал Черчилль своим читателям, – то же злоеущее преимущество было у евреев в короткий период правления Белы Куна в Венгрии. Такое же явление имело место в Германии (особенно в Баварии), пока этому сумасшествию было дозволено распространяться в период временного оцепенения немецкого народа». Хотя во всех этих странах, отмечал Черчилль, «были и неевреи, ни на йоту не отличавшиеся от самых скверных революционеров-евреев, роль последних по сравнению с их долей в общем составе населения удивительно велика».

Затем Черчилль обратился к вопросу о еврейских погромах на Украине, по поводу которых он раньше писал генералу Деникину. «Не стоит и говорить, – писал он, – что самая страстная жажда мести к евреям возникла в груди русского народа. При этом толпы разбойников, которыми была наводнена Россия, торопились насытить свою жажду крови и мести за счет неповинного еврейского населения, когда только представлялась такая возможность». Антибольшевистские атаманы «отмечали каждый свой успех самыми зверскими побоищами везде, где находили среди наполовину ошеломленного, наполовину рассвирепевшего населения активный отклик на антисемитизм в его самых худших и безумных проявлениях».

Черчилль отмечал, что «тот факт, что во многих случаях большевики исключали еврейские интересы и еврейские святыни из сферы своей разрушительной жестокости, привел к тому, что во все большей мере большевистские жестокости ассоциировались с самой еврейской нацией». Это, писал он, было несправедливо по отношению к миллионам незащищенных евреев, страдавших под гнетом большевистского режима. Поэтому было «крайне важно поддерживать и развивать каждое заметное еврейское движение, уводящее от этих ужасных ассоциаций. В этой связи весьма существенно то, что в настоящее время сионизм приобрел столь глубокое значение в глазах евреев».

Раздел статьи Черчилля, озаглавленный «Дом для евреев», являлся своего рода публичной декларацией в защиту сионизма. Базируясь на своей недавней переписке с Вейцманом и на своем опыте, приобретенном в Манчестере в процессе представления в парламенте избирательного округа, населенного в основном евреями, Черчилль сделал следующий вывод: «Сионизм предлагает третий вариант политической концепции для еврейского народа. Резко контрастируя с международным коммунизмом, он предлагает евреям коренную национальную идею».

Британскому правительству, в результате приобретения им права на управление Палестиной, «представилась возможность обеспечить для евреев всего мира пристанище и создать центр их национальной жизни. Государственная мудрость и чувство истории мистера Бальфура помогли использовать эту возможность. Была принята декларация, однозначно определившая политику Великобритании в этой сфере. Пламенная энергия доктора Вейцмана, руководящего практическим осуществлением сионистского проекта и поддерживаемого многими известными британскими евреями, направлена на то, чтобы этот выдающийся проект оказался успешным».

«Конечно, – писал Черчилль, – Палестина слишком мала и способна принять лишь часть еврейского народа. К тому же большинство евреев, проживающих в других странах, и не стремится туда. Но если, как это может случиться еще в период нашей жизни, на берегах Иордана под покровительством британской короны будет создано еврейское государство, способное принять три или четыре миллиона евреев, то в мировой истории произойдет событие, благотворное со всех точек зрения, событие, которое будет полностью гармонизировать с истинными интересами Британской империи».

Черчилль отмечал, что сионизм уже оказался тем фактором, который привел к «политическим конвульсиям» в России и проявил себя «мощным соперником по отношению к международной коммунистической системе». Ничто не являлось более показательным, указывал он, чем «ярость», с которой Лев Троцкий, рожденный евреем, но отвергший еврейские национальные чаяния, «нападал на сионистов вообще» и на Вейцмана, в частности. «Злобная проницательность» ума Троцкого «не оставляла у него сомнений в том, что его планы создания всемирного коммунистического государства под властью евреев тают под воздействием этого нового идеала, направляющего энергию и надежды евреев всех стран к более простой, более истинной и более достижимой цели».

Черчилль сделал знаменательный вывод: «Начинающаяся борьба между евреями-сионистами и евреями-большевиками есть борьба за душу еврейского народа». «Поэтому особенно важно, – подчеркивал он, – чтобы в каждой стране евреи, преданные принявшей их земле, всегда занимали активную позицию, как это делали евреи Англии, и принимали значительное участие в борьбе с большевистским заговором». Таким путем они смогли бы «восстановить честь еврейского имени» и показать всему миру, что «большевизм не есть еврейское движение, что в действительности он страстно отвергается подавляющей частью самих евреев».

«Пассивное сопротивление» большевизму недостаточным, указывал Черчилль. «Нужны практические альтернативы ему как в моральной, так и в социальной сфере. Быстрое создание национального еврейского центра в Палестине могло бы стать не только убежищем для людей, угнетаемых и подавляемых ныне в несчастных странах Центральной Европы, но и послужить символом еврейского единства и храмом еврейской славы, – писал он. – Это важное начинание благословили бы многие».

Хотя статья Черчилля содержала искреннее одобрение сионизма, содержащийся в ней раздел о большевиках-евреях вызвал раздраженный отклик «Джуиш кроникл», набросившейся на Черчилля с жесткой критикой. «Министр обороны, – писала газета, – обвиняет евреев в создании евангелия от Антихриста и в организации всемирного заговора с целью разрушения цивилизации». Он также обвиняет «бывшего еврея» Троцкого, порвавшего все связи с иудаизмом и даже отказавшегося выслушать мольбы евреев о защите от резни и от погромов, в вынашивании планов создания некоего «всемирного государства под господством евреев». Это, провозглашал автор передовицы, являлось примером «самой безответственной и скандальной кампании нападков и клеветы, в которую могли бы включиться только политики с самой дурной репутацией». Ее не делает лучше или более достойной «неуместная попытка польстить евреям, называя их «самым замечательным народом, когда-либо появлявшимся на свете», – скорее, как раз наоборот. «Было бы гораздо лучше, вместо того чтобы расточать эти фантастические по своей пошлости и неуместности комплименты, проявить элементарную справедливость в анализе дел, относящихся к судьбам и чести миллионов мужчин, женщин и детей. Трудно вообще понять предмет этой статьи с ее плоскими обобщениями и содержащимися в ней поверхностными теориями».

В редакции «Джуиш кроникл» не знали, что за несколько недель до того, как написать эту статью, Черчилль получил новое британское издание «Протоколов сионских мудрецов» – созданной при царском режиме подделки, в которой описывалось, как евреи добиваются мирового господства путем коварных заговоров. Эхо некоторых из этих обвинений явно слышится и в статье Черчилля. Но одновременно следует отметить, что «Джуиш кроникл» совершенно проигнорировала горячую защиту Черчиллем сионизма в той же самой статье. А ведь Черчилль однозначно выступил в защиту сионизма в то самое время, когда в британских политических кругах стали все чаще раздаваться голоса о том, что в связи с наступлением послевоенного периода следует пересмотреть те обязательства, которые были даны евреям в годы войны. Это особенно ярко проявлялось в среде консервативной пар-

тии, составлявшей основу парламентской коалиции, на которую опиралось правительство Ллойд-Джорджа. 23 декабря 1920 года старейший консерватор лорд Дерби писал Черчиллю: «Я считаю наш мандат в Палестине и идею создания еврейского государства исключительно опасными. Это прежде всего создало напряженность в отношениях между нами и Францией, которая считает, что она должна играть ключевую роль в Сирии, в то время как мы собираемся создать в Палестине сионистское государство, куда соберутся все евреи-большевики из Центральной Европы».

Черчилль, возлагавший большие надежды на сионизм в качестве противовеса большевизму, желал, чтобы Великобритания сохранила мандат на Палестину и при этом смогла проследить за тем, чтобы прибывающие туда евреи были свободны от налета идеологии большевизма. Судьбе было угодно вскоре предоставить ему возможность самому непосредственно заняться этим.

Глава пятая

Ответственность за создание еврейского национального очага

В январе 1921 года Ллойд-Джордж назначил Черчилля министром по делам колоний, возложив на него особую ответственность за два британских мандата – Палестину и Месопотамию. При этом Ллойд-Джордж объяснил ему, что главной его задачей должно стать уменьшение административных расходов в этих отдаленных и в основном пустынных регионах. В отношении Палестины существовала еще одна цель, не менее важная в глазах британского правительства: провести в жизнь положения Декларации Бальфура и способствовать созданию там национального очага для евреев.

25 апреля 1920 года на конференции в Сан-Ремо Верховный совет Антанты передал мандат на Палестину Англии. Существовавшая до этого времени британская военная администрация в Палестине, за которую Черчилль отвечал, будучи министром обороны, была заменена гражданской администрацией, возглавляемой верховным комиссаром сэром Гербертом Самуэлем. Именно Самуэль в 1915 году, будучи министром британского правительства, убеждал своих коллег по кабинету создать еврейский национальный очаг в Палестине после того как Турция будет побеждена. Он гордился своим еврейским происхождением, но одновременно гордился и тем, что был британцем, и был твердо намерен обеспечить четкое соблюдение британских интересов в Палестине, в связи с чем резко реагировал на все, что он считал завышенными требованиями со стороны сионистов.

Чтобы дать Черчиллю возможность сконцентрироваться на проблемах Ближнего Востока и на политических и экономических нуждах этого региона, в Министерстве по делам колоний был создан Ближневосточный департамент. Главой его стал Джон Шакбер, двадцать один год прослуживший в политических подразделениях отдела по вопросам Индии Министерства по делам колоний и хорошо знакомый с позицией и требованиями британских мусульман. Черчилль попросил также полковника Т.Е. Лоуренса, более известного под именем Лоуренса Аравийского, стать его советником по арабским делам. Лоуренс был одним из британских офицеров, принимавших участие в восстании арабов против османского владычества в 1917–1918 годах. В свое время он помог шейху Хусейну из Мекки и его сыновьям изгнать турок с Аравийского полуострова, после чего Хусейн провозгласил себя королем Хиджаза.

11 января, через месяц после своего назначения министром по делам колоний, Черчилль прибыл в Париж для обсуждения ближневосточных проблем с президентом Франции Александром Мильераном. В ходе этой встречи Мильеран критиковал Великобританию за поддержку идеи создания еврейского национального очага в Палестине. Согласно отчету Черчилля, направленному Ллойд-Джорджу и министру иностранных дел лорду Керзону, Мильеран «назвал распространение сионизма в Палестине поводом для возмущения в арабском мире», сказав Черчиллю, что «он опасается, что, когда евреи в большом количестве соберутся все вместе в Палестине, то они поведут себя деспотически по отношению к арабам». Черчилль же во время этой встречи защищал британскую политику в отношении евреев: «Я говорил о достоинствах и большом опыте нашего верховного комиссара в Палестине сэра Герберта Самуэля и отметил, как четко он следит за равновесием между евреями и арабами и как эффективно он управляет собственным аппаратом в Палестине».

Переговоры о статусе Палестины с арабскими лидерами вел Т.Е. Лоуренс. Он сообщил Черчиллю 17 января, что заключил соглашение со старшим сыном короля Хусейна эмиром Фейсалом, согласно которому в обмен на признание суверенных прав арабских правителей

над Ираком, Трансиорданием и Сирией Фейсал согласился отказаться от претензий своего отца на Палестину.

Соглашение Лоуренса – Фейсала, включавшее признание со стороны арабов существующего положения в Палестине, где уже были основаны еврейские поселения, было хорошей новостью для Черчилля. После того как французы прочно обосновались в Сирии, Черчилль был готов одобрить план, согласно которому Фейсал принимал трон короля Ирака, а его брат Абдалла – трон короля Трансиордании в обмен на то, что Западная Палестина, от Средиземного моря до реки Иордан, становилась местом учреждения еврейского национального очага под британским контролем.

Первое решение Черчилля, касавшееся Палестины, было связано с осуществлением проекта Пинхаса Рутенберга, бывшего русского революционера-эсера, впоследствии участвовавшего в защите Зимнего дворца от большевиков в 1917 году. Рутенберг просил предоставить ему концессию на использование вод рек Иордан и Яркон для получения электроэнергии. Над осуществлением этого проекта должны были трудиться восемьсот человек – как евреев, так и арабов.

Это предложение поступило Черчиллю 23 февраля. Он дал свое согласие на следующий день. Так Черчилль принял участие в осуществлении проекта, который создавал основу для последующего значительного развития городской инфраструктуры, промышленности и сельского хозяйства.

В апреле 1921 года Черчилль начал готовиться к поездке в Каир и Иерусалим. Его целью было ознакомиться с системой британского правления в подмандатных Палестине и Ираке. Он отвел на эту поездку четыре недели. Во время своего путешествия он планировал посетить еврейские поселения в Палестине.

Перед тем как Черчилль покинул Лондон, три его главных советника по Ближневосточному департаменту – Лоуренс, Шакбер и майор Хьюберт Янг (последний вместе с Лоуренсом оказывал содействие арабам во время их восстания против турок) – проинформировали его, что не существует никакого противоречия между обещаниями, которые Великобритания дала в ходе Первой мировой войны как арабам, так и евреям на Ближнем Востоке. В 1915 году Великобритания обещала арабам «признание со стороны Великобритании и поддержку независимости» находившихся под контролем Турции областей в районе Дамаска, Хамы, Хомса и Алеппо. Но в число этих территорий не были включены ни Палестина, ни Иерусалим. Два года спустя Великобритания обещала поддержать создание национального очага для евреев в Палестине, не конкретизируя при этом его границ. Из этого следовало, что, если земля к востоку от реки Иордан становилась арабским государством, а земля к западу от Иордана и до Средиземного моря – территорией, отведенной для еврейского национального очага, то Великобритания одновременно выполняла оба обещания, данные ею как евреям, так и их арабским соседям.

Чтобы окончательно удостовериться, что Великобритания не обещала одну и ту же территорию одновременно и евреям и арабам, старший советник Черчилля по Ближневосточному департаменту Джон Шакбер спросил у Генри Мак-Магона, бывшего верховного комиссара Великобритании в Египте, почему ни Палестина, ни Иерусалим не упоминались в его переписке с правителем Мекки Хусейном аль-Хашими, продолжавшейся с июля по март 1916 года, как часть будущего арабского государства. В ходе этой переписки Англией было обещано арабам содействие в образовании независимого арабского государства на большей части арабских вилайетов Османской империи после победы стран Антанты. Это обещание имело целью привлечь на сторону Антанты арабское население Османской империи в войне против Германии и ее союзников.

Мак-Магон отвечал, что причинами, заставившими его ограничиться упоминанием Дамаска, Хамы, Хомса и Алеппо, являлись следующие: «1) это были те территории, которые арабы считали сферой своих жизненных интересов; 2) в то время мне не приходило в голову, что существует еще какая-то территория к югу от этих регионов, которая является настолько важной в глазах арабов, что ее статус следует специально оговорить в переписке с Хусейном аль-Хашими». Г. Мак-Магон добавил: «Мое намерение состояло в том, чтобы исключить Палестину из перечня обсуждаемых территорий точно так же, как и северные прибрежные районы Сирии». Причина, по которой он не стал обозначать реку Иордан как крайнюю западную границу обещанной арабам территории, заключалась в том, что он считал «желательным» на более поздней стадии переговоров найти «более подходящую линию границы» где-нибудь в районе между рекой Иордан и Хиджазской железной дорогой. Это были как раз те анклав, которые Вейцман и другие лидеры сионистов надеялись включить в территорию Еврейского национального очага.

1 марта Политический комитет Всемирной сионистской организации собрался в Лондоне для обсуждения деталей предстоящего визита Черчилля в Палестину. Согласно протоколу этого заседания, Х. Вейцман был обеспокоен задержкой с ратификацией Великобританией мандата на Палестину. «Есть некоторые признаки того, что Черчилль может пожелать внести в британский мандат определенные изменения, – сказал Х. Вейцман. – Он весьма впечатлителен, а ведь арабы, как ожидается, организуют соответствующую агитацию при его появлении на Востоке». Но, добавил Вейцман, Черчилль «невысокого мнения об арабах в целом».

Надеясь повлиять на Черчилля в вопросе о будущих границах Палестины, Вейцман направил ему специальное послание, в котором призывал его отодвинуть восточную границу Палестины за реку Иордан, разместив ее в районе Хиджазской железной дороги, или еще дальше в глубь Трансиордании. Британцы, писал Вейцман, могут вполне обеспечить «особую защиту мусульманских интересов в районе Хиджазской железной дороги», что позволит хоть всей Трансиордании стать частью территории еврейского национального очага. «Именно на этих плодородных полях северных областей, ныне отторгнутых от Палестины и переданных Франции, может быть успешно основан еврейский национальный очаг. Трансиордания с древнейших времен была неотъемлемой и жизненно важной частью Палестины», – подчеркивал он.

«Именно к востоку от Иордана, – добавлял Вейцман, – впервые разбили свои шатры и пасли свои стада израильские колена Рувима, Гада и Манассии». Он указывал, что хотя «восточная Палестина никогда не имела для евреев такого религиозного или исторического значения, как Палестина к западу от Иордана», она тем не менее может «много внести в экономическое будущее еврейского национального очага».

Вейцман излагал свои аргументы в лирической форме. «Климат Трансиордании живителен, почвы плодородны; там было бы легко осуществить ирригацию; холмы покрыты лесами. Еврейское заселение может происходить там в широких масштабах без каких-либо конфликтов с местным населением. Эти долины образуют природную житницу Палестины, и без них Палестина никогда не сможет стать самодостаточной экономической единицей и настоящим национальным домом для евреев».

Говоря о притязаниях сионистов на плодородные западные земли Трансиордании, Вейцман также затронул вопрос о национальных чаяниях арабов. Совершенно ясно, говорил он Черчиллю, что кроме «небольшого коридора» вдоль Хиджазской железной дороги не существовало «никакой территории к северу от Маана, кроме Дамаска, которая представляла бы собой реальную ценность в глазах арабских националистов». Надежды арабских националистов, утверждал Вейцман, концентрируются вокруг Дамаска и Багдада и не связаны с Трансиорданией.

Вейцман не только просил включить Трансиорданию в сферу действия мандата на Палестину, но и призывал Черчилля отодвинуть южную границу Палестины вплоть до залива Акаба. По его мнению, это должно было бы послужить компенсацией за уступку Великобританией Франции северных областей Палестины, в результате чего Палестина оказалась отрезанной от реки Литани, воды которой сионисты надеялись использовать для получения электричества и для промышленных целей. Вейцман оценивал территорию от Беэр-Шевы до залива Акабы как «в настоящее время заброшенную, но богатую ресурсами, важными для будущего Палестины», и заявлял, что она «не должна быть передана Египту». Эта территория, которую знали под названием Негев, была большей частью пустынной и «не представляла ценности ни для какой страны, кроме Палестины».

Аргументы Вейцмана не произвели впечатления на Черчилля, который уже решил отделить Трансиорданию от Палестины. Но одновременно он решил присоединить Негев к подмандатной территории Палестины, сделав эту землю таким образом доступной для последующего заселения евреями.

Черчилль отбыл из Лондона вечером 1 марта. Он добрался на поезде до Марселя. Там к нему присоединилась его жена Клементина. Они продолжили путешествие вдвоем паромом до Египта, куда прибыли 9 марта. Спустя три дня началась Каирская конференция. В ней участвовали Герберт Самуэль, первый британский верховный комиссар в Палестине, и Т.Е. Лоуренс. Первое решение по Палестине было принято 17 марта. Оно заключалось в том, что Трансиордания должна была быть отделена от Палестины согласно предложению Ближневосточного департамента Министерства по делам колоний, что позволяло Великобритании выполнить свои обещания военного времени, данные как арабам, так и евреям. Территориальные требования Вейцмана были отвергнуты, но евреям позволялось селиться на землях между Средиземным морем и Иорданом и от Верхней Галилеи до пустыни Негев, то есть на территории современного Израиля и Западного берега.

Находясь в Каире, Черчилль объяснил, что наличие арабского правителя к востоку от реки Иордан при общем британском политическом контроле позволит Великобритании противодействовать антисиионистской пропаганде с арабской стороны. Лоуренс разделял эту точку зрения, говоря о том, что можно будет оказывать эффективное давление на правителя Иордании эмира Абдаллу, заставляя его «сдерживать антисиионизм». Лоуренс также «верил, что спустя четыре или пять лет под влиянием справедливой политики» арабское противостояние сионизму «уменьшится, если не исчезнет совсем».

Присутствие Лоуренса Аравийского принесло неоценимую пользу Черчиллю в его стремлении помочь палестинским евреям. Лоуренс, точно так же, как и сам Черчилль, ясно видел ценность сионистского предприятия. Его дружба с арабскими лидерами, вместе с которыми он сражался во время арабского восстания, соседствовала с сочувственным отношением к чаяниям сионистов. Он также хотел, чтобы евреи оказали арабам в Палестине реальную помощь в их продвижении к современности и процветанию. Двумя годами раньше Лоуренс пригласил Вейцмана на совещание с эмиром Фейсалом, которое состоялось в порту Акаба. Лоуренс надеялся, что с этой встречи начнется процесс «формирования сближения политики арабов и сионистов». В первую годовщину Декларации Бальфура в ноябре 1918 года Лоуренс сказал в интервью британской еврейской газете: «Совсем не являясь евреем, сам я рассматриваю евреев как естественных носителей западных ценностей, столь необходимых странам Среднего Востока».

Глава шестая

Обещания в Иерусалиме

В полночь 22 марта 1921 года Черчилль отправился из Египта в Палестину ночным экспрессом. Его сопровождали сэр Герберт Самуэль и Т.Е. Лоуренс. В это время между Средиземным морем и рекой Иордан, на территории, называемой Западной Палестиной, жили 83 000 евреев и 60 000 арабов. К востоку от реки Иордан евреи не проживали. Главная цель посещения Иерусалима для Черчилля заключалась в том, чтобы объяснить эмиру Абдалле смысл решений Каирской конференции и сообщить ему о желании британского правительства поддержать его как правителя подмандатной территории к востоку от реки Иордан (отсюда ее название – Трансиордания) при условии, что Абдалла согласится на создание еврейского национального очага внутри Западной Палестины и сделает все, что в его силах, для предотвращения антиссионистской агитации среди своего народа к востоку от Иордана.

Лоуренс уже получил заверения Фейсала, брата Абдаллы, в том, что «будут предприняты все меры, чтобы поощрить и стимулировать иммиграцию евреев в Палестину в широких масштабах и возможно быстрее, чтобы создать там поселения с интенсивной обработкой земли».

Утром 24 марта поезд Черчилля достиг Газы, первого большого города в пределах юго-западных границ подмандатной Палестины. Население Газы составляли 15000 арабов и менее сотни евреев. На железнодорожной станции его встретил почетный караул британской полиции. Кавалерийский эскорт сопровождал его в город. Капитан Максвелл Кут, служивший дежурным офицером при Черчилле в Каире, вспоминал позднее, что «Черчилля приветствовала огромная толпа криками по-арабски: «Привет министру!» Но затем их предводитель вдруг яростно вскричал, поддержанный толпой: «Долой евреев!» и «Перережем им глотки!» Черчилль и сэр Герберт Самуэль были в восхищении от горячего приема, не понимая, что именно кричала толпа по-арабски. Лоуренс, конечно, понимал все и сказал мне, но мы держались тихо. Он, очевидно, был серьезно обеспокоен ситуацией. Мы ехали по городу, сопровождаемые почти фанатичной толпой, все более возбуждавшейся от этих криков. Никто не пытался их успокоить, но в конце концов все обошлось без инцидентов».

Прошло двадцать два года с тех пор, как Черчилль в последний раз находился в окружении мусульман и сражался в составе британской армии против исламского халифа Судана. Именно тогда сформировалось его отношение к исламу, и это отношение было неблагоприятным. В книге «Война на реке», вышедшей в 1899 году, он писал: «Как ужасны проклятия, которыми магометане осыпают порой своих же единоверцев! Кроме фанатичного неистовства, опасного в человеке, как водобоязнь у собак, в них присутствует и ужасная фаталистическая апатия. Эффект этого очевиден во многих странах. Непредсказуемое поведение, неважная система сельского хозяйства, пассивные методы ведения торговли, отсутствие должного уважения к собственности существуют везде, где живут или правят последователи Пророка. Огрубление чувств лишает их жизнь изящества и утонченности, а также достоинства».

Далее Черчилль писал: «Тот факт, что согласно магометанскому закону каждая женщина должна принадлежать какому-нибудь мужчине в виде его абсолютной собственности в качестве дочери, жены или наложницы, откладывает окончательное избавление человечества от рабства до тех пор, пока исламская вера не перестанет обладать столь великой властью над людьми. Как индивидуумы мусульмане могут проявлять замечательные качества, но влияние религии парализует социальное развитие тех, кто привержен ей. В мире не существует более мощной силы, замедляющей развитие. Далекое от заката и упадка маго-

метанство – воинственная и прозелитическая вера. Она уже широко распространилась по Центральной Азии, везде привлекая в свои ряды бесстрашных бойцов, и если бы христианство не охранялось сильным оружием науки, науки, против которой оно когда-то напрасно боролось, то цивилизация современной Европы могла бы погибнуть, как погибла цивилизация Древнего Рима».

Прежде чем Черчилль снова сел на поезд в Газе, ему подали петицию, подписанную ведущими мусульманами города. В ней излагались их надежды на создание в Палестине арабского государства и выражался протест против еврейской иммиграции. Арабская реакция на появление Черчилля в Палестине не предвещала ничего хорошего в плане выполнения инструкций Ллойд-Джорджа о создании дешевой и действующей в спокойной обстановке администрации на подмандатных территориях. 25 марта в Хайфе прошла арабская демонстрация с протестом против еврейской иммиграции. Но на время визита Черчилля британскими властями был объявлен запрет на любые публичные собрания и шествия. В связи с тем, что во время демонстрации наблюдались акты насилия, полиция была вынуждена открыть огонь. Были убиты 13-летний мальчик-христианин и арабка-мусульманка. Вслед за этими действиями полиции в Хайфе начались антиеврейские волнения, в ходе которых десять евреев и пять полицейских были ранены ножами и камнями.

Поселившись в британской правительственной резиденции – бывшей германской гостинице «Августа-Виктория» на вершине горы Скопус, построенной по образцу замка Гогенштауфенов в провинции Рейнланд-Пфальц, – Черчилль три дня подряд пытался выполнить стоявшую перед ним задачу: выслушать как арабских, так и еврейских представителей и дать соответствующие ответы на их претензии. Он также поставил свой мольберт, и, будучи увлеченным живописцем-любителем, написал вид заката над городом.

В воскресенье 27 марта Черчилль направился на британское военное кладбище на Масличной горе, чтобы присутствовать на его освящении. После службы он произнес короткую речь. «Здесь собрались много людей различных верований, – сказал он, – чтобы почтить память тех, кто отдал свои жизни для освобождения страны, желая принести мир и дружбу ее обитателям. Присутствующим остается проследить за тем, чтобы эта цель была выполнена».

На кладбище, основанном после освобождения Иерусалима из-под турецкого владычества в конце 1917 года, находились могилы 2180 британских солдат, 143 австралийцев, 50 южноафриканцев, 40 солдат из британской Вест-Индии и 34 новозеландцев, а также 60 человек, тела которых нельзя было идентифицировать; равно как и могилы 16 германских, 5 итальянских и 3 турецких солдат. «Эти ветераны войны, – сказал Черчилль, – лежат там, где покоится прах халифов, и крестоносцев, и маккавеев. Мир их праху, слава их памяти. Мы не вправе уклониться от выполнения начатого ими дела».

Торжественная церемония завершилась тремя ружейными залпами почетного караула.

28 марта Черчилль принял эмира Абдаллу в правительственной резиденции в Иерусалиме. Абдалла настаивал на том, что передача власти в Палестине арабскому эмиру стала бы лучшим решением, чтобы «примирить арабов и евреев». Он выразил свои опасения Черчиллю, спросив его: «Имеет ли в виду Его Величество создать еврейское царство к западу от Иордана и изгнать оттуда все нееврейское население? Если так, то лучше было бы сразу сказать об этом арабам и не держать их в напряжении... Такое впечатление, что союзники считают, будто людей можно выкапывать и переносить с места на место, как деревья».

Черчилль постарался успокоить Абдаллу, говоря, что, по его мнению, «у живущих в Палестине арабов много беспочвенных опасений. Им кажется, что сотни и тысячи евреев за короткое время запрудят страну и будут господствовать над нынешним населением. Это не только не предвидится, но и совершенно невозможно». Тогда в Палестине жили более

600 000 арабов и всего 80000 евреев. «Еврейская иммиграция будет очень медленным процессом, и права нынешнего нееврейского населения при этом будут строго соблюдаться», – подчеркнул Черчилль.

«Очень медленный процесс» был совсем не тем, что в действительности представляли себе сионисты. Но Черчилль уверил Абдаллу, что, если эмир не станет вмешиваться в деятельность сионистов в Западной Палестине, то сионистские претензии в зоне британской подмандатной территории не коснутся Трансиордании, и что в этой связи от правительства Трансиордании «не ожидается принятия каких-либо мер по развитию еврейской иммиграции и колонизации». Это обещание полностью подрывало надежды Вейцмана на развитие еврейских хозяйств к востоку от реки Иордан и покончило с надеждами сионистов расширить еврейские поселения на библейские земли Башан и Гилеад.

В итоге своих встреч с Абдаллой Черчилль смог сообщить в Лондон, что Трансиордания становится арабским королевством под властью Абдаллы, в то время как Западная Палестина, от Средиземного моря до Иордана, будет управляться Великобританией, которая выполнит свое обещание о предоставлении этих земель для расселения евреев-колонистов.

29 марта Абдалла посетил мечеть Омара, мусульманскую святыню седьмого века, построенную на Храмовой горе. Рядом с мечетью, где три десятилетия спустя он будет застрелен террористом-палестинцем, он пытался поговорить с арабами, собравшимися, чтобы повидать его, но был прерван криками «Палестина для арабов!» и «Долой сионистов!» Затем толпа направилась к Главному почтовому управлению, чтобы выразить протест против Декларации Бальфура. Эта толпа была разогнана вооруженной британской полицией.

В тот же день Черчилль посетил место строительства будущего Еврейского университета на горе Скопус, открывшегося четыре года спустя. Визит Черчилля стал заметной вехой в развитии университета. Перед тем как посадить перед университетом дерево, он произнес ободряющие слова, глубоко взволновавшие его слушателей: «Мое сердце полно симпатии к сионизму. Эта симпатия существует уже много лет, еще с тех пор как я оказался связан с евреями Манчестера, которых представлял в парламенте. Я верю, что образование еврейского национального очага в Палестине станет благословением для всего мира, благословением для еврейского народа, рассеянного по миру, и благословением для Великобритании. Я твердо верю и в то, что оно будет благословением для всех обитателей этой земли, независимо от расы и религии. Это во многом зависит от вас».

Черчилль указал на то, что обязательства, которые взяла на себя Великобритания в отношении подмандатной Палестины, были двусторонними: «С одной стороны, мы обещали помогать сионистам, а с другой – мы дали гарантии, что интересы нееврейских жителей Палестины при этом нисколько не пострадают. Поэтому каждый шаг, предпринимаемый вами, должен отвечать моральной и материальной выгоде всех палестинцев. Если вы добьетесь этого, Палестина будет счастливой и процветающей и в ней будут царить мир и согласие; она обратится в рай и станет, как сказано в Писании, которое вы мне только что подарили, страной, текущей молоком и медом, в которой люди всех народов и религий найдут отдохновение от своих страданий. На вас, евреях Палестины, лежит великая ответственность: вы представляете здесь весь еврейский народ, рассеянный по всему миру, и ваше поведение должно создавать пример для евреев во всех странах».

Черчилль заключил: «Здесь, в Палестине, будет постепенно осуществлена та надежда, которую ваш народ хранил в течение многих столетий. И это послужит на пользу не только вам, но и всему миру».

Речь Черчилля произвела глубокое впечатление на сионистов, которые почувствовали в нем своего друга. Но помощь Черчилля евреям не ограничилась дружественной речью. Джеймс Ротшильд, один из ведущих представителей еврейской общины Великобритании

и член британского парламента, сразу осознал, что, отдав Абдалле восточную часть подмандатной Палестины и отстранив его от контроля над Западной Палестиной, Черчилль тем самым обеспечил возможность выживания еврейских поселений в Палестине. Тридцать четыре года спустя Ротшильд написал Черчиллю письмо, поблагодарив его за то, что в 1921 году в Иерусалиме он «заложил основы еврейского государства, отделив королевство Абдаллы от остальной Палестины. Без этой меры, продиктованной вашим пророческим предвидением, не было бы сегодняшнего Израиля».

30 марта члены Исполнительного комитета Хайфского конгресса арабов Палестины направились на встречу с Черчиллем, находившемся в правительственной резиденции в Иерусалиме, чтобы выразить протест против сионистской деятельности в Палестине. Он был изложен на тридцати пяти страницах. Приведенные там аргументы представляли собой набор давних предрассудков против евреев, предрассудков, ставших неотъемлемой составной частью обвинений, которые арабы выдвигали против сионистов во все последующие годы. В этом заявлении говорилось: «Араб благороден и великодушен, но он мстителен и не забывает зла. Если Англия не примет сторону арабов, то это сделают другие державы». Авторы заявления подчеркивали, что Великобритания должна была прислушаться к голосу не только мусульман Палестины: «От Индии и Месопотамии до Хиджаза и Палестины сейчас доносится призыв к Англии. Если она не прислушается, то, может быть, Россия воспримет этот призыв, а может быть, даже Германия». Голос России, предупреждали палестинские арабы, не слышен среди народов, но «придет время, когда она себя утвердит».

В своем послании арабы старались доказать, что «вся Палестина принадлежит арабам и что Декларация Бальфура является огромной несправедливостью». Что же касается самой концепции создания здесь еврейского национального очага, то они сообщали Черчиллю следующее: «В течение тысячелетий евреи были рассеяны по земле и стали гражданами тех наций, среди которых они расселились. Их отдельное существование не оформлено нигде в мире – ни политически, ни даже в языковом плане. В Германии они немцы, во Франции французы, в Англии англичане. Их связывают только религия и язык. Но иврит – всего лишь мертвый язык, который не следует принимать во внимание. Как может Англия заключить соглашение с религией и зарегистрировать его в Лиге Наций?»

«Евреи были причиной краха многих государств, особенно там, где их влияние позволяло им нанести наибольший ущерб, – говорилось далее. – Хорошо известно, что распад России был в огромной степени вызван евреями и что значительная доля поражения Германии и Австрии может быть отнесена на их счет. Когда восходила звезда центральных держав, то евреи льнули к ним, но когда весы качнулись в сторону союзников, евреи прекратили помогать Германии и открыли союзникам свои денежные сундуки, за что получили самый необычный приз – Декларацию Бальфура».

«Евреи – клановый народ, – говорили арабы Черчиллю, – они не дружат со своими соседями и стараются не смешиваться с людьми, рядом с которыми живут. Они пользуются привилегиями и выгодами той страны, в которой живут, но ничего не дают взамен. Еврей остается евреем в любой стране мира. Он забирает богатства страны, а затем ведет ее народ, уже ограбленный им, куда захочет. Он поощряет войны там, где это диктуется его интересами, и тем самым заставляет армии разных стран служить его желаниям».

Послание заканчивалось просьбой к Черчиллю «во имя справедливости и права» согласиться с пятью требованиями палестинских арабов: «Первое: Образование национального очага для евреев отменяется. Второе: Создается национальное правительство Палестины, ответственное перед парламентом, избранным населением, проживавшим в Палестине перед Первой мировой войной. Третье: Еврейская иммиграция прекращается до образования этого правительства. Четвертое: Введенные в действие перед войной законы

остаются в силе и не заменяются новыми, пока не начнет действовать национальное правительство Палестины. Пятое: Палестина не должна быть отделена от братских арабских стран». Этими странами были Сирия, находившаяся тогда под управлением Франции, и Египет, которым управляла британская администрация.

Черчилль ответил на это немедленно и в резких выражениях: «Вы просите меня прежде всего отменить Декларацию Бальфура и запретить иммиграцию евреев в Палестину. Не в моей власти сделать это. Но даже если бы я и мог сделать это, то это не соответствовало бы моим желаниям. Британское правительство устами А. Бальфура дало слово, что оно благожелательно отнесется к созданию национального очага для евреев в Палестине, что неизбежно включает в себя и иммиграцию евреев сюда. Эта декларация мистера Бальфура и британского правительства была ратифицирована союзными державами-победителями, когда военные действия еще продолжались и поражение или победа еще не были предпрешены. Ее реализация стала возможной в результате успешного окончания войны, и ее следует рассматривать как один из итогов победы в Первой мировой войне».

«Очевидно, что является абсолютно справедливым позволить евреям, разбросанным по всему миру, получить свой национальный центр и национальный очаг, где по крайней мере могла бы объединиться часть из них, – сказал Черчилль. – Где еще они могут найти это место, как не на земле Палестины, с которой в течение более 3000 лет они были тесно связаны? Мы думаем, что это будет хорошо для всего мира, хорошо для евреев и хорошо для Британской империи. Но мы также считаем, что это будет хорошо и для живущих в Палестине арабов. Мы полагаем, что при этом они не должны никоим образом пострадать или быть вытесненными из страны, где они живут сейчас, и быть лишены своей доли во всем, что делается для прогресса и процветания Палестины. И тут я должен привлечь ваше внимание ко второй части Декларации Бальфура, которая торжественно и недвусмысленно обещает всем без исключения жителям Палестины полную защиту их гражданских и политических прав».

Британское правительство твердо намерено, сказал Черчилль, дать сионистам «справедливый шанс» в Палестине. «Если национальный еврейский очаг, как мы надеемся, будет учрежден в Палестине, то это будет сделано только в ходе длительного процесса. При этом каждый последующий шаг на этом пути станет возможным лишь в том случае, если он будет неоспоримо приносить выгоду, процветание и счастье всему населению Палестины. Но почему этого не должно случиться? Почему это невозможно? Вы можете собственными глазами увидеть во многих частях страны работу, проведенную в еврейских колониях, увидеть, как культивируются дотоле заброшенные пустынные земли, как на их месте появляются процветающие фермы и сады. Совершенно верно, что они получают помощь извне, тогда как у вашего народа нет такого преимущества. Но то, что извне постоянно приходят эти денежные вложения, предназначенные в конечном счете для достижения общего процветания Палестины, должно побудить вас более взвешенно и терпимо смотреть на начинание сионистов в Палестине».

«Нет причин, – сказал Черчилль палестинским арабам, – по которым Палестина не сможет в будущем послужить домом для большего количества людей, чем сейчас, если она достигнет более высокого уровня развития и процветания». Нынешняя форма управления Палестиной, отметил Черчилль, просуществует еще много лет. При этом шаг за шагом Великобритания будет развивать представительные учреждения, что приведет в конечном счете к полному самоуправлению Палестины. «Ко времени, когда это окончательно осуществится, все присутствующие здесь, наши дети и дети наших детей покинут этот мир, – сказал он. – При этом на каждой стадии развития Палестины евреям будет требоваться ваша помощь, помощь арабов. Надеюсь, что вы окажетесь достаточно мудры, чтобы предоставить им вашу помощь и поддержать их в борьбе с трудностями. Это начинание может закончиться и неуда-

чей. Если евреи не будут ведомы мудростью и доброй волей, если они не пойдут по пути терпимости и добрососедства, если приехавшие сюда люди не будут достойными сынами и дочерьми еврейского народа, то они потерпят неудачу, и это будет означать конец их эксперимента. Но, с другой стороны, если они преуспеют, то по мере того как они год за годом будут достигать успеха, это будет сопровождаться пропорциональным ростом богатства и процветания всех жителей Палестины и прогрессом в социальной, научной и культурной жизни в целом».

Черчилль предложил палестинским арабам взвесить положительные аспекты и последствия еврейской иммиграции в Палестину. «Если вместо того, чтобы ссориться и оставаться одинаково бедными, вы будете сотрудничать и совместно процветать, – заявил он им, – то вы быстро достигнете светлого и спокойного будущего. Земля – щедрая мать. Она в изобилии обеспечит всех своих детей, если только они будут обрабатывать ее в условиях мира и справедливости».

Арабская делегация покинула Черчилля, так и не добившись того, чтобы ее призывы были услышаны. Вслед за ней Черчилль принял еврейскую делегацию. Она тоже представила письменное обращение, в котором выражалась благодарность британцам за помощь в воссоздании «национального еврейского очага» и отмечалось, что программа сионистов «делает особый упор на установлении искренней дружбы между ними и арабами». Еврейский народ, «возвратившийся в свою страну после двух тысяч лет изгнания и преследований, не должен находиться под гнетом подозрения в том, что он будто бы отрицает законные права другого народа».

В послании евреев подчеркивалось, что «еврейский народ вполне понимает чаяния арабов в отношении их национального возрождения, но при этом исходит из того, что усилия евреев построить национальный очаг в Палестине на территории, очень маленькой по площади по сравнению со всеми арабскими землями, никак не могут означать, будто мы собираемся лишить арабов их законных прав. Напротив, мы убеждены, что еврейское возрождение в этой стране может иметь только благоприятное влияние на возрождение арабской нации. Наше языковое, расовое и историческое родство с ними придает уверенность в том, что со временем мы сможем добиться полного взаимопонимания с арабами».

Черчилля не требовалось убеждать в этом, и он заявил евреям: «Я сам совершенно убежден, что дело сионизма – из числа тех, что приносят добро всему миру, а не только еврейскому народу, и что оно принесет процветание, благосостояние и прогресс арабскому населению этой земли».

Затем Черчилль рассказал еврейской делегации об опасениях арабов потерять свои земли и собственность и быть «с течением времени лишенными своих прав, оказавшись под управлением тех, кто сейчас является меньшинством, но быстро умножит свою численность в результате прибытия новых иммигрантов».

Черчилль проинформировал еврейскую делегацию о том, что арабы также выражают тревогу по поводу некоторых еврейских иммигрантов, «которых они обвиняют в привнесении в Палестину большевистских доктрин». Долг евреев состоит в том, чтобы «рассеять такие опасения». Он продолжал: «Когда я вернусь в Лондон, то мне, без сомнения, укажут на то, что, если бы не сионистское движение, то не было бы нужды содержать в этой стране такой большой британский гарнизон, тратя на это столь большие средства. Вы и вся еврейская община в мире должны снабдить меня вескими аргументами, чтобы я мог достойным образом отвергнуть эти обвинения. Я хочу иметь возможность заявить, что здесь происходит поистине великое событие в судьбах мира».

Черчилль хотел иметь возможность сказать по возвращении в Великобританию, что на земле Палестины совершается «великое дело, никого не ущемляющее и не ведущее к несправедливости; оно заключается в превращении заброшенных земель в плодородные, в

развитии сельского хозяйства в пустынях, в увеличении богатства и процветания, в том, что два стебля растут там, где раньше рос только один, в том, что народ страны, составляющий ее большинство, получает большую выгоду, разделяя общее улучшение и продвижение к прогрессу. Здесь имеют место кооперация и братство между религиями и расами; евреи, прибывшие из Европы и из других мест, являются достойными представителями еврейского народа и дела сионизма, а сионисты делают все необходимое, чтобы утвердить и закрепить сделанное».

Обеспокоенный распространением доктрин большевизма и влиянием большевистской идеологии среди части еврейских иммигрантов из России, Черчилль настаивал на том, что прибывающие на землю Палестины первопроходцы «должны быть отборными людьми, людьми, во всех отношениях достойными величия идеала, к которому они стремятся. Идя по этом пути, вы должны иметь возможность эффективно ответить всем тем, кто желает воспрепятствовать этому эксперименту и его успеху».

«Я искренне надеюсь на то, что ваша задача может быть успешно выполнена, – заключил Черчилль. – Я знаю, какая потребуется энергия и как велики трудности, ожидающие вас на каждом шагу, и я с горячей симпатией отношусь к усилиям, которые вы предпринимаете, чтобы преодолеть эти трудности. Если бы я не верил, что вы воодушевлены самыми высоким принципами и идеалами, и что ваши труды на деле принесут благоденствие всей стране, у меня не было бы столь сильных надежд на результаты, которые со временем принесет ваша работа».

Это прозвучало как мощная поддержка сионистскому движению. Один из членов еврейской делегации, доктор Артур Руппин, основатель кибуцного движения, написал в своем дневнике, что замечания Черчилля «произвели большое впечатление на всех присутствующих, ибо мы в душе опасались, что он будет находиться под влиянием арабов».

Призыв Черчилля направлять в Палестину «отборных людей» нашел немедленный отклик. Везде, включая и Советскую Россию, началось обучение групп евреев сельскому труду с тем, чтобы по приезде в Палестину они могли стать хорошими фермерами. Только научившись искусству обработки земли, животноводству и другому созидательному крестьянскому труду, они могли уехать в Палестину, чтобы создавать там новые сельскохозяйственные поселения. Этот процесс на современном иврите называется *hachshara* (акшара), то есть «подготовка».

Черчилль покинул Иерусалим 30 марта. Прежде чем отправиться в Египет, он успел ознакомиться с двумя наиболее впечатляющими примерами достижений еврейских переселенцев в Палестине. Одним из них был город Тель-Авив, основанный за двенадцать лет до этого рядом со старинным и преимущественно арабским городком Яффа. Вторым примером была сельскохозяйственная колония Ришон ле-Цион, насчитывавшая уже тридцать девять лет. В речи, обращенной к жителям Тель-Авива и произнесенной в присутствии его первого мэра Меира Дизенгофа, Черчилль отметил, что он рад видеть «результаты инициативы жителей, проявившиеся за столь короткий период, на который к тому же выпало несколько лет войны».

Черчилль также сделал краткую остановку в Сарафенде, где группа новых иммигрантов из России работала на строительстве дорог – первом крупном проекте общественных работ, начатом властями подмандатной территории с использованием труда евреев-иммигрантов. Вейцман спланировал поездку Черчилля так, чтобы в качестве переводчика рядом с ним находился Пинхас Рутенберг – бывший русский революционер, позднее – один из ведущих антибольшевистских деятелей России, а ныне – создатель системы ирригации и электрификации в Палестине.

Беседуя с переселенцами через посредство Рутенберга-переводчика, Черчилль спрашивал новоприбывших, не являются ли они большевиками. «Этот вопрос очень его занимал, – вспоминал Рутенберг. – В результате этих расспросов Черчилль убедился, что переселенцы не были большевиками, но являлись людьми, «преданными идеалам труда», то есть рабочими-сионистами. Их целью было переустройство земли с помощью физического труда – в полях, на дорогах, на каменоломнях и на стройках».

Из Сарафенда Черчилля отвезли в Ришон ле-Цион (в переводе с иврита – «Первый в Сионе») – одно из самых старых еврейских поселений в Палестине, основанное четыре десятилетия назад, еще во времена турецкого владычества. Перед этим визитом жители Ришона раскололись на две группы, разойдясь во мнениях по поводу того, как им принимать своего гостя. Старожилы хотели в беседе с ним сделать упор на трудностях и опасностях и рассказать Черчиллю о враждебности со стороны некоторых соседних арабских деревень. Молодежь же хотела показать ему прежде всего разнообразные достижения жителей Ришон ле-Цион и даже встретить его верхом на лошадях.

Молодые в конце концов одержали верх. Черчилля встретили всадники на лошадях, с энтузиазмом продемонстрировав ему искусство верховой езды. Затем совет колонии вручил ему приветственный адрес. «Вчера в Иерусалиме мы с радостью выслушали ваши теплые слова, – говорилось в этом послании, – они ясно продемонстрировали нам ваше истинное отношение к нам и придали нам уверенности, что мы способны достигнуть поставленной цели».

Основанный в 1882 году всего лишь десятью первопроходцами, Ришон ле-Цион ко времени визита Черчилля насчитывал уже две тысячи жителей. На Черчилля их энтузиазм и достижения произвели такое впечатление, что спустя десять недель он сказал во время выступления в палате общин: «Каждый, кто видел работу еврейских колонистов в Палестине, поражается достигнутыми ими колоссальными результатами. На самых бесплодных землях было создано процветающее хозяйство, где дает хорошие урожаи виноград, где возникли прекрасные плантации апельсинов. И все это было создано за двадцать-тридцать лет упорным трудом живущих здесь представителей еврейской общины».

Черчилль вспоминал, что, когда его делегация въехала в Ришон, то «нас окружили пять или шесть десятков молодых евреев, гарцевавших на лошадях, и фермеры. А когда мы добрались до центра городка, то перед нами оказались три или четыре сотни прекрасно выглядевших ребятишек. Нас пригласили попробовать отличные вина, производимые в этом хозяйстве, и осмотреть красоты здешних садов».

То, что Черчилль увидел и услышал в Ришоне, продемонстрировало ему, насколько ненадежной может быть работа фермеров без достаточных политических гарантий мира и спокойствия и как важна для них защита Великобритании. «Увидев подобные результаты, достигнутые таким трудом и усилиями, я готов спорить с любым, кто посмеет утверждать, будто правительство Великобритании может не посчитаться с этим и подвергнуть фермеров опасности жестоких нападений со стороны арабских фанатиков, – сказал он в палате общин по возвращении в Великобританию. – Было бы бесчестным допустить что-либо подобное. Я рассказываю о том, что видел собственными глазами. Расположенные вокруг еврейской колонии дома арабов также покрыты черепицей, а не выстроены из глины, так что культура из этого центра распространяется и на окружающие районы».

Черчилль пробыл в Палестине восемь дней. За этот короткий промежуток он ощутил как энтузиазм евреев, так и враждебность арабов, резко настроенных против них. Сионисты с оптимизмом оценивали итоги его визита, веря, что он принесет им пользу. В майском выпуске ведущего сионистского журнала Великобритании подчеркивалось, что визит Черчилля отметил «поворотный момент в нашем движении: он указал на переход от дискуссий к реальной практической работе. Черчилль в полной мере оценил наши трудности, но сделал

это с симпатией и пониманием, характерными для подлинного друга. Он подчеркнул, что его симпатия к сионизму основана на его вере в стремление еврейского народа делать добро в Палестине – и нам остается только оправдать эту веру».

Глава седьмая

Работа на основе Декларации Бальфура

Наряду с тем сильным впечатлением, которое произвела на Черчилля деятельность сионистов в Палестине, у него формировалось негативное отношение к исламскому экстремизму, набравшему силу в Саудовской Аравии. 14 июня 1921 года, вскоре после своего возвращения в Великобританию, он объяснил в ходе своего выступления в палате общин, что большое число последователей нового саудовского короля Абд аль-Азиза Ибн Сауда принадлежат к секте ваххабитов, то есть к «форме магометанства, относящейся к классическому исламу точно так же, как самая воинственная форма кальвинизма относилась к Римской католической церкви в жесточайшие времена религиозных войн в Европе». «Ваххабиты, – заявил Черчилль, – исповедуют в жизни исключительный аскетизм и заставляют других вести себя так же. Они считают своим долгом убивать всех, кто не разделяет их взглядов. Они превращают в рабов своих жен и детей. В ваххабитских деревнях женщин предают смерти просто за появление на улице одних, без сопровождения мужчин. Ношение шелковой одежды жестоко наказывается. Мужчин убивают за курение сигареты, равно как и за употребление алкоголя. Жестокие, нетерпимые, хорошо вооруженные и кровожадные, ваххабиты представляют собой фактор, с которым нельзя не считаться, и они были и остаются очень опасными в святых городах Мекке и Медине».

Визит Черчилля в Палестину породил новую волну арабских протестов против еврейской иммиграции. 18 июня 1921 года Черчилль известил своих служащих в Министерстве по делам колоний, что, по его мнению, Великобритания не должна предоставить арабам такую степень представительной власти в Палестине, которая позволила бы им контролировать уровень еврейской иммиграции. Было бы великой глупостью, предупреждал он, «подойти к голодному льву с блюдом сырого мяса, чтобы посмотреть, сколько он захочет взять».

Арабы настаивали на том, что их не может удовлетворить никакое иное решение, кроме предоставления им права формировать палестинское правительство, назначаемое избранными в ходе свободных всеобщих выборов депутатами парламента. В этой связи Черчилль считал, что арабам следует сообщить следующее: «Мы немедленно хотели бы предоставить вам возможность сформировать представительные учреждения власти в Палестине с тем, чтобы вы не чувствовали себя ущемленными. Но прежде чем сделать это, мы обязаны достичь ясного взаимопонимания с вашими представителями о том, что будет после этого с еврейской иммиграцией. Мы четко настаиваем на продолжении еврейской иммиграции в узких пределах, диктуемых доступными ныне возможностями». Черчилль также хотел выяснить, как арабы собираются соблюдать данные британскими властями обязательства и гарантии в отношении еврейской иммиграции в Палестину и «защищать их от вмешательства» со стороны любого будущего «арабского представительного органа».

На заседании правительства 31 мая при обсуждении долгосрочных перспектив развития подмандатной территории Палестины и требований арабских представителей о немедленном учреждении палестинского парламента и правительства Черчилль объяснил, что он решил отложить формирование представительных учреждений в Палестине «ввиду того, что любой избранный орган несомненно запретил бы дальнейшую иммиграцию евреев». В то же самое время, пытаясь успокоить арабов, он одобрил предложение сэра Герберта Самуэля о том, чтобы отныне еврейская иммиграция была официально ограничена степенью «экономической способности» Палестины абсорбировать новоприбывших.

Это было ударом по сионистам. Но это не помешало более чем 400000 еврейских иммигрантов въехать в Палестину в период между 1922 и 1939 годами.

Во время встречи в Лондоне 22 июня с четырьмя премьер-министрами британских доминионов – Канады, Ньюфаундленда, Австралии и Новой Зеландии – Черчилль выяснил, что все они разделяют опасения арабов о формировании со временем в Палестине еврейского большинства. Черчилль разъяснил им позицию Великобритании по отношению к сионизму. «Идеал, который исповедуют сионисты, – сказал им Черчилль, – это очень высокий идеал, и, признаюсь, он вызывает мою искреннюю личную симпатию». Но Декларация Бальфура, добавил он, есть нечто большее, чем идеал. Она представляет собой принятое в годы войны обязательство оказывать помощь евреям по всему миру. «Великобритания должна быть очень пунктуальной, – объяснил он, – в выполнении своих обязательств».

Затем Черчилль обрисовал свою политику в отношении еврейской иммиграции: «Мы должны настаивать на том, чтобы двери для иммиграции оставались открытыми, и одновременно следить, чтобы число иммигрантов не превышало количества, которое соответствует реальному уровню экономического развития страны».

Премьер-министр Канады Артур Мейен спросил Черчилля о том, что означает понятие «национальный еврейский очаг». Означает ли это, спросил он, что евреи будут контролировать правительство Палестины? На это Черчилль ответил: «Если спустя много-много лет они станут большинством в стране, то они, естественно, получают в ней власть».

Эта позиция Черчилля была широко известна и подвергалась резкой критике. Через шесть дней после встречи Черчилля с премьер-министрами британских доминионов архиепископ Кентерберийский Рэнделл Дэвидсон, глава англиканской церкви, написал ему письмо протеста: «Я должен сообщить вам, что из многих мест получил просьбы выступить против того, что считается неправильным развитием сионистской политики в Палестине, особенно в плане скупки земли евреями и иными лицами, действующими по их поручению. Вызывают озабоченность и планы передачи государственных земель евреям. Озабоченность вызывается и насильственной скупкой земель у неевреев для последующей передачи ее евреям».

Масштабная покупка земель евреями являлась центральным пунктом плана развития еврейского национального очага и была как таковая принята Черчиллем. Она продолжалась везде, где это было возможно. Эта политика продолжалась около двадцати пяти лет, пока британское правительство не положило ей конец, несмотря на протесты Черчилля.

В июле в Лондон прибыла делегация палестинских арабов во главе с Мусой Казем Пашой аль-Хусейни. Целью этой делегации было оказание давления на британское правительство с тем, чтобы оно воспрепятствовало дальнейшей еврейской иммиграции в Палестину. Самуэль так оценил прибытие этой делегации: «Они, без сомнения, представляют мнение большинства в Палестине».

Как только арабская делегация прибыла в Лондон, Черчилль вызвал Х. Вейцмана в Министерство по делам колоний. 15 июля Вейцман написал одному своему коллеге-сионисту: «У меня состоялась длительная дискуссия с Черчиллем, продолжавшаяся полтора часа. Когда Черчилль впервые пригласил меня к себе, я отказался прийти к нему, сказав, что не смогу плодотворно обсуждать с ним эту ситуацию, заранее зная, что именно он мне предложит. Я сказал, что, пока Черчилль не будет готов гарантировать нам определенные уступки, бессмысленно обсуждать что-либо. После этого Черчилль снова вызвал меня. Явившись к нему, я в ясных выражениях указал ему на порочный круг, в который ставят нас британская администрация подмандатной Палестины и само британское правительство. С одной стороны, они жалуются на то, что осуществление сионистской политики представляет собой бремя, лежащее на британском налогоплательщике. Но когда мы хотим облегчить это бремя, развивая Палестину и увеличивая богатство страны, они не разрешают нам продолжать эту работу, потому что боятся протестов со стороны арабов». Вейцман полагал, что Черчилль в

конечном счете «оценил силу этих аргументов и после долгой дискуссии согласился с моими требованиями, чтобы была созвана конференция, в которой приняли бы участие Бальфур, Ллойд-Джордж и Черчилль».

22 июля Черчилль, Ллойд-Джордж и Бальфур встретились с Вейцманом в доме Бальфура в Лондоне, чтобы успокоить Вейцмана и разъяснить ему, что британская политика не изменилась. На этой встрече Вейцман заявил, что Декларация Бальфура фактически сведена на нет и что сам британский верховный комиссар Г.Самуэль подрывает ее принципы. Вейцман указал, что в официальном выступлении 3 июня Самуэль заявил: «Условия жизни в Палестине таковы, что не допускают массовой иммиграции евреев». Такое утверждение, сказал Вейцман, являлось фактическим «отрицанием Декларации Бальфура». Черчилль спросил, почему он так считает, и Вейцман объяснил, что Декларация Бальфура санкционирует возникновение в Палестине еврейского большинства, тогда как речь Самуэля «не позволяет никогда образоваться такому большинству». Согласно протокольной записи об этой встрече, Черчилль «усомнился в такой интерпретации» речи Самуэля, тогда как «Ллойд-Джордж и Бальфур согласились с тем, что Декларация Бальфура всегда подразумевала постепенное возникновение в Палестине еврейского государства».

5 августа один из ведущих советников Министерства по делам колоний, майор Янг, послал Черчиллю яростную записку, в которой настаивал, что он и глава Ближневосточного департамента Джон Шакбер ощущают, что на Герберта Самуэля оказывается давление «не только со стороны арабов, но и со стороны британских официальных лиц, не симпатизирующих сионистской политике», требующих предпринять «не вполне оправданные действия» для сокращения еврейской иммиграции в Палестину. Сам Г. Самуэль видел и другую сторону медали, написав Вейцману спустя пять дней в суровом тоне: «Необходимо ясно видеть основные факты во всем этом деле. По моему мнению, эти факты заключаются в том, что очень большое число арабов, включая многих представителей образованных слоев, пришли к выводу, что сионистская политика заключается в создании численного перевеса евреев в Палестине за счет массовой еврейской иммиграции, что впоследствии приведет к тому, что из-за этого они потеряют не только политическое преобладание в Палестине, но и свои земли и свои святы места». Арабы, настаивал Самуэль, не примут без боя судьбу, которая, по их мнению, им уготована. При этом, подчеркнул он, «сионистская политика не имеет столь прочных основ в Великобритании, чтобы позволить себе продолжать и далее расширять их».

Когда Черчилль 22 августа принял арабскую делегацию, ее члены бескомпромиссно потребовали от него немедленно отменить действие Декларации Бальфура и прекратить дальнейшую еврейскую иммиграцию в Палестину. Черчилль отказался сделать и то и другое, представив делегации свое понимание природы сионизма и сказав им совершенно определенно: «Евреи очень многочисленный народ, и они разбросаны по всему свету. Палестина – это та страна, в которой у них имеются великие исторические традиции и корни, и вы не можете отбросить это обстоятельство как абсолютно несущественное. Они жили здесь много столетий назад. Они всегда старались оказаться здесь. Они много сделали для этой страны. Они создали много процветающих поселений в Палестине, и многие из них хотят приехать туда и жить там. Для них это святая земля. Многие из них хотят быть похороненными в городе, который они считают священным и который вы тоже считаете священным».

Затем Черчилль высказал свой взгляд на различие между положением евреев и арабов в Палестине. «Перед евреями стоит гораздо больше трудных задач, чем перед вами. Вы можете просто наслаждаться жизнью среди домов и вещей, которые вы уже имеете, а они должны созидать в пустыне, среди бесплодных участков места для обитания тех, кто приедет туда. Они должны доставить в такие места новых иммигрантов при условии, что это принесет пользу всему населению Палестины, не вытесняя никого и не лишая никого его

прав и свобод. Иногда могут происходить отдельные случаи нарушения чьих-либо интересов и притеснений, но мы создадим такую систему управления, которая будет бороться с подобными случаями и публично осуждать их. Палестинское правительство будет не авторитарным, а демократическим. Оно предоставит всем жителям Палестины свободу слова для обсуждения любых проблем в духе искренности и дружбы».

Палестинские арабы были глубоко разочарованы, почувствовав, что их попытка положить конец еврейской иммиграции провалилась. В Палестине начались акты насилия против евреев. В течение ноября арабы Яффы и близлежащих арабских деревень нападали на евреев прямо на улицах и разрушали еврейскую собственность. В ответ британская администрация наложила коллективный штраф на яффских арабов и на те арабские деревни, из которых совершались нападения. 17 ноября Черчилль написал своим представителям в Палестине: «Сэр Герберт Самуэль должен жестко следить за неукоснительным применением в Яффе штрафных санкций».

Самуэль попытался было выразить протест против повсеместного применения этой меры, заявляя, что надо принять во внимание политический эффект от наложения штрафов, однако Черчилль настаивал на том, что «в Яффе и в близлежащих деревнях должны усвоить, что лица, виновные в нападениях на евреев, будут немедленно нести ответственность. Мы не можем позволить каким-либо соображениям целесообразности влиять на осуществление правосудия». Если же Самуэль затрудняется провести сбор штрафов с арабов, добавил Черчилль, то он готов прислать в помощь военный корабль, чтобы поддержать авторитет власти верховного комиссара в Палестине.

Черчилль был неприятно удивлен, получив от Самуэля сообщение о том, что арабов спровоцировали на бунт действия проникшей в Израиль в составе иммигрантов группы коммунистов. Черчилль указал Самуэлю, что ответственность за очистку еврейских колоний от коммунистических элементов лежит на самом верховном комиссаре и что «следует без промедления и отсрочки изгнать из Палестины всех виновных в подрывной агитации». Черчилль при этом подчеркнул, что, какую бы роль ни сыграли еврейские коммунисты в яффских волнениях, он еще больше недоволен попытками арабов прибегнуть к насилию по всей Палестине «в надежде напугать нас и заставить нас отказаться от нашей политики в отношении сионизма». Позиция Черчилля была ясной и четкой. «Великобритания, – указывал он Самуэлю, – должна твердо поддерживать закон и порядок и не идти при этом ни на какие уступки и компромиссы, как бы нас ни принуждали к этому».

К началу февраля 1922 года сотрудники аппарата Черчилля подготовили проект конституции для Палестины, согласно которой арабам было бы невозможно использовать свое численное большинство для того, чтобы препятствовать продолжающейся еврейской иммиграции и капиталовложениям. Делегация палестинских арабов продолжала тем временем вести кампанию против Декларации Бальфура. В ходе правительственного часа в палате общин 15 февраля сэр Уильям Джойнсон-Хикс, член парламента от консерваторов, официально попросил премьер-министра Дэвида Ллойд-Джорджа объяснить причину, по которой правительство обещало еврейскому народу создание национального очага «в стране, которая уже является национальным домом для арабов».

Ближневосточный департамент Министерства по делам колоний начал проводить в жизнь линию по защите Декларации Бальфура 1 марта, когда по указанию Черчилля Джон Шакбер направил письмо арабской делегации, в котором подтверждалось твердое намерение правительства не отступать от линии поддержки евреев. В этом письме, посланном с ведома и одобрения У. Черчилля, было написано, что «на вопрос, что имеется в виду под развитием еврейского национального очага в Палестине, следует ответить, что этим не предполагается установление численного большинства еврейского населения в Палестине, а

лишь дальнейшее развитие ныне существующей еврейской общины в Палестине при содействии евреев из других частей света, чтобы на базе нее мог сформироваться центр еврейской жизни, которым все евреи могли бы гордиться и в котором они были бы заинтересованы». Вот почему «существование еврейского национального очага в Палестине должно было опираться на соответствующие международные гарантии».

3 марта арабская делегация провела митинг своих сторонников перед отелем «Гайд-Парк» в Лондоне с требованием, чтобы Великобритания отказалась от своей «сионистской политики». Черчиллю сообщили, что главный оратор на этом митинге Шибли аль-Джамаль, являвшийся секретарем арабской делегации, говорил «о том, что придется убивать евреев, если арабы не достигнут своей цели».

9 марта Черчилль выступил в парламенте с заявлением об основах британской политики на Ближнем Востоке. В своей речи он сделал упор на том, что контроль за уровнем еврейской иммиграции является существенной частью политики его министерства в Палестине, и высказал свои постоянные опасения по поводу проникновения большевистской идеологии в сионистское движение. «Делаются все возможные усилия, – заверял он палату общин, – чтобы обеспечить въезд в Палестину только добропорядочных граждан, которые будут обустройства страны. Мы не можем допустить, чтобы страна была наводнена большевистским сбродом, жаждущим свергнуть правительственные устои, как они это уже сделали в той стране, откуда прибыли».

Затем Черчилль прокомментировал требование арабов о самоопределении и об учреждении в Палестине арабского правительства, основанного на результатах волеизъявления большинства населения Палестины. «Это для нас неприемлемо», – сказал У. Черчилль. «Я не вправе сделать ничего, – объявил он, – что приведет к ситуации, в которой мы не сможем выполнить наши ранее данные обязательства в отношении сионистов. Я обязан сохранить в руках британского правительства весь объем власти, необходимой для реализации этих обязательств».

Через месяц после речи Черчилля в парламенте сэр Альфред Монд, бывший тогда министром здравоохранения, член либеральной партии и еврей по национальности, предупредил Герберта Самуэля, что арабская делегация стала «средоточием и главным инструментом общего антисемитского движения в Великобритании».

На протяжении целого года Черчилль отвечал на арабское противодействие еврейской иммиграции и всему сионистскому проекту в Палестине тем, что пытался найти возможности обеспечить евреям политически стабильные и экономически гарантированные условия для жизни в Палестине.

По этой причине он поддерживал проект Пинхаса Рутенберга по электрификации Палестины путем использования энергии рек Иордана и Яркона. Узнав, однако, что Рутенберг намерен закупить оборудование в Германии, он немедленно написал своему политическому секретарю сэру Арчибальду Синклеру: «Вы должны разъяснить мистеру Рутенбергу и всем сионистам, что политика размещения заказов в Германии в тот момент, когда в нашей собственной стране существует серьезная безработица, может быть использована как дополнительный аргумент для возражений против траты двух миллионов в год на содержание британского гарнизона в Палестине, который находится там ради поддержки сионистского предприятия».

Рутенберг внял этим доводам и перенес свои заказы в Великобританию. К началу июня его проект был утвержден Министерством по делам колоний и получил личную поддержку Черчилля.

Но общая отрицательная реакция все же не заставила себя ждать. Вся британская политика на подмандатной территории Палестины подвергалась ожесточенным атакам. 23 июня

член палаты лордов, либерал лорд Ислингтон внес проект резолюции, согласно которой обязательства Великобритании в отношении подмандатной территории Палестины объявлялись «неприемлемыми», поскольку сам этот мандат «противоречил чувствам и желаниям громадного большинства народа Палестины». Далее в тексте резолюции утверждалось, что осуществление проекта Рутенберга даст еврейскому меньшинству большую власть над арабским большинством.

Лорд Ислингтон провозглашал далее, что «сионизм противоречит всему направлению человеческой психологии нынешнего века». По его словам, политика сионизма включала в себя привлечение в Палестину чуждых и враждебных местному населению евреев из других частей света для того, чтобы обеспечить там общее еврейское большинство. Еврейская иммиграция, добавлял он, будет обузой для британских налогоплательщиков и серьезной угрозой для прав арабов: «Образование еврейского национального очага на территории Палестины предполагает и означает политическое господство еврейской общины в стране, где большинство населения – вовсе не евреи».

Другой член палаты, лорд Сайденхем заявил, что палестинские арабы «никогда не были бы против образования и развития на их земле отдельных колоний с участием тщательно отобранных, действительно трудолюбивых и порядочных евреев; но вместо этого мы высадили на берег Палестины 25000 случайных личностей, совершенно непригодных для колонизаторской деятельности. При этом некоторые из них – большевики, часть из которых уже проявили самую зловещую активность. Арабам придется охранять Святую землю, чтобы она оставалась свободной от большевизма».

В своей речи в палате лорд Сайденхем предупредил, что в связи с тем, что статус подмандатной территории Палестины определяется Лигой Наций, через некоторое время контроль за Святой землей неизбежно перейдет в Нью-Йорк, Берлин, Лондон, Франкфурт и другие места: «В Палестину протянутся нити из иностранных столиц, а мы будем ответственны за все, что случится там после этой передачи власти над Палестиной в центры, находящиеся далеко за ее пределами».

Состоявшееся голосование продемонстрировало преобладание взглядов лордов-антисионистов; шестьдесят из них проголосовали против Декларации Бальфура и только двадцать один – за нее. На следующий день майор Хьюберт Янг, старший служащий Ближневосточного департамента Министерства по делам колоний, участвовавший в 1918 году в арабском восстании против турок, предупредил Черчилля, что антисионистское голосование «станет дополнительным стимулом, побуждающим арабскую делегацию настаивать на ее жесткой позиции». Пока голосование в палате общин «не отменит эффективным образом» голосование палаты лордов, британские обязательства по отношению к евреям не смогут быть выполнены, заявил он.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.